6 11.

Проф. П. Тихомировъ.

НАУЧНЫЯ ЗАДАЧИ

И МЕТОДЫ

ИСТОРІИ ФИЛОСОФІИ.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.
Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1907.

В
70
„Прав 38"
1967
024
45

Научныя задачи и методы исторіи философіи [1]).

ВВЕДЕНІЕ.

Философія, какъ извѣстно, разрѣшаетъ свои задачи лишь въ теченіе исторіи. Исторія философіи, подобно всякой вообще исторіи, можетъ быть понимаема въ двухъ смыслахъ: 1) въ объективномъ смыслѣ—какъ извѣстный процессъ развитія или просто „историческій процессъ" и 2) въ смыслѣ субъективномъ, въ смыслѣ науки—какъ изслѣдованіе и изображеніе этого процесса. Понимаемая въ объективномъ смыслѣ, какъ послѣдовательная смѣна философскихъ міровоззрѣній, она есть процессъ постепенной научной обработки общихъ вопросовъ міропознанія и жизнепониманія, состоящій въ постепенномъ освобожденіи научнаго міросозерцанія отъ всякихъ одностороннихъ и догматическихъ примѣсей и тѣмъ приближающій наше знаніе въ его глубочайшихъ основахъ къ идеалу абсолютной истины. Этотъ взглядъ подробно раскрытъ нами восемь лѣтъ тому назадъ въ особомъ очеркѣ [2]). Печатая тогда это свое сочиненіе, мы старались принять въ разсчетъ всѣ новѣйшія по тому времени сужденія спеціалистовъ касательно даннаго предмета и потому могли съ полнымъ правомъ считать свои выводы и заключенія,—поскольку они не провозглашались только какъ наше личное убѣжденіе (послѣднее мы обыкновенно обозначаемъ всегда съ над-

---

[1]) Вступительная лекція, прочитанная въ Историко - Филологическомъ Институтѣ Кн. Безбородко въ Нѣжинѣ 26 января 1907 года.

[2]) *П. В. Тихомировъ*, Исторія философіи, какъ процессъ постепенной выработки научно обоснованнаго и истиннаго міровозрѣнія. Сергіевъ посадъ. 1899 г. Стр. 1—37.

лежащей точностью), — совершенно объективнымъ итогомъ господствующихъ въ наукѣ воззрѣній. Естественно, что за протекшее съ тѣхъ поръ время относящаяся сюда литература нѣсколько обогатилась. Но, насколько намъ извѣстно, чего либо заставляющаго отказаться отъ нашего взгляда она не дала. Скорѣе напротивъ, — то, что появлялось въ этомъ родѣ, могло только укрѣплять насъ въ нашемъ убѣжденіи. Какъ на послѣдній по времени примѣръ, можемъ здѣсь указать на статью Виндельбанда въ юбилейномъ сборникѣ въ честь Куно Фишера [1]).

---

[1]) Die Philosophie im Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts. Heidelberg. 1904—5. B. II. SS. 175—199.—Названная книга и, въ частности, упоминаемая статья Виндельбанда реферировалась нами въ лѣтнихъ книжкахъ „Богословскаго Вѣстника“ за 1905 годъ. Отсылая интересующихся къ этимъ замѣткамъ въ „Бог. Вѣстн.“ или даже къ самому нѣмецкому сборнику, мы теперь отмѣтимъ лишь основныя мысли статьи Виндельбанда, подтверждающія нашу принципіальную концепцію исторіи философіи какъ объективнаго процесса. Примыкая къ воззрѣнію Куно Фишера, выраженному имъ во введеніи къ своей Исторіи новой философіи и опредѣляющему самую философію какъ самопознаніе человѣческаго духа, Виндельбандъ замѣчаетъ, что это воззрѣніе коренится въ Кантовскомъ понятіи о философіи. Задачу философіи составляетъ не метафизическое состязаніе съ другими науками и не система займовъ у нихъ; она имѣетъ свою собственную сферу—въ критическомъ изслѣдованіи разума и его нормативныхъ опредѣленій. Но въ этой самой задачѣ скрывается своеобразная трудность: всѣ опредѣленія, къ которымъ должно приводить самопознаніе разума въ критической философіи, претендуютъ на внѣвременное и сверхэмпирическое значеніе: поэтому они никоимъ образомъ не могутъ имѣть основаніе въ эмпирическомъ существѣ человѣка: предметъ философіи не есть человѣческій разумъ, какъ спеціальная принадлежность вида homo sapiens, а міровой разумъ; но мы, какъ философствующіе люди, можемъ постигнуть это сверхэмпирическое значеніе опредѣленій разума только изъ познанія нашего человѣческаго разума. Слѣдовательно, отъ его самопознанія и должна исходить философія: мы должны вѣрить, что онъ причастенъ той трансцендентной истинѣ, которая имѣетъ свое значеніе далеко внѣ насъ самихъ, и что мы въ состояніи освободить эту сторону разума отъ тѣхъ пеленокъ, въ какихъ онъ данъ для нашего специфически человѣческаго опыта. Понятно, что эта цѣль достигается лишь исподволь, и потому философія никогда не можетъ быть вполнѣ готовой наукой, а всегда состоитъ лишь въ прогрессивномъ усвоеніи трансцендентнаго содержанія разума (II, 182—184). Итакъ, основанія для всѣхъ истинъ разума, устанавливаемыхъ философіей, лежатъ въ самомъ разумѣ: но отысканіе этихъ истинъ свой исходный пунктъ можетъ имѣть только въ самопознаніи человѣческаго разума.

Теперь мы хотимъ остановиться на исторіи философіи какъ наукѣ и показать, какими путями мы можемъ разобраться въ результатахъ объективно-историческаго процесса, отдѣлить въ нихъ случайное и временное отъ существеннаго и вѣчнаго;—какимъ образомъ констатируется та истина, которую (для своей ли только эпохи или и для послѣдующихъ) содержитъ извѣстная философская система или группа системъ. Говоря короче, мы будемъ здѣсь имѣть дѣло съ вопросомъ о научныхъ задачахъ и методахъ исторіи философіи.

Но откуда получается это самопознаніе? Это—основной методологическій вопросъ критицизма. Отвѣчаютъ на него двоякимъ образомъ: по однимъ, базисомъ философскаго изслѣдованія служитъ психическая антропологія—эмпирическое познаніе разъ навсегда данной и повсюду себѣ самой равной сущности человѣческой души: другіе хотятъ искать такого самопознанія въ постепенномъ самораскрытіи и самоуразумѣніи человѣческаго духа, состоящемъ въ томъ, что онъ свои неопредѣленныя и еще не сложившіяся окончательно природныя расположенія развиваетъ въ теченіе исторіи въ сознательныя образованія посредствомъ многочисленнѣйшихъ упражненій въ работѣ надъ разнообразнѣйшими задачами:—здѣсь органомъ философіи становится исторія. Виндельбандъ самымъ рѣшительнымъ образомъ становится на сторону второго рѣшенія (284—285). Формальная закономѣрность фактовъ душевной жизни, которая по своей логической сущности должна оказываться вѣрной для всякаго психическаго содержанія жизни, является однако въ отношеніи къ содержанію разума сама по себѣ индифферентной и представляетъ только естественныя условія, при которыхъ эти содержанія могутъ раскрываться въ эмпирическомъ сознаніи. Поэтому сами эти содержанія не могутъ раскрываться въ эмпирическомъ сознаніи. Поэтому сами эти содержанія не могутъ быть получены изъ понятій психической антропологіи. Знаніе содержательныхъ опредѣленій разума черпается только въ исторіи. Содержанія разума пробуждаются въ человѣческомъ сознаніи только задачами общественной жизни. Разумъ со всѣмъ своимъ содержаніемъ не составляетъ принадлежности человѣка какъ существа природы, а есть задача человѣческой культуры. „Человѣкъ какъ разумное существо, говоритъ Виндельбандъ, не данъ въ природѣ, а заданъ въ исторіи“. Такимъ образомъ, „объективный духъ“ или историческое развитіе разума человѣческаго рода есть промежуточное царство между естественной душевной жизнью и вѣчными истинами чистаго разума. Отсюда вполнѣ понятно значеніе исторіи для философіи. Въ ученіи какого либо великаго мыслителя мы видимъ нѣчто большее, чѣмъ рефлексъ его собственной личности, мы признаемъ въ немъ конденсированное и сформированное въ понятія содержаніе разума своего вѣка. Отсюда понятно и то, почему исторія философіи есть существенная и неотъемлемая составная часть самой философіи (185—186).

Въ самомъ общемъ видѣ задача исторіи философіи опредѣляется очень просто,—какъ изображеніе и воспроизведеніе указаннаго выше объективнаго процесса смѣны и развитія философскихъ ученій. И если бы послѣднія интересовали насъ помимо какого либо ихъ отношенія къ трансцендентной истинѣ, то исторія философіи по своимъ задачамъ и методамъ ничѣмъ не отличалась бы отъ другихъ историческихъ наукъ, напримѣръ, исторіи литературы. При признаніи же за нею положительнаго философскаго значенія, ея разработка получаетъ нѣсколько своеобразный характеръ, и у нея оказываются нѣкоторыя новыя задачи, которыя нельзя назвать чисто историческими.

Прежде чѣмъ войти въ болѣе подробныя и частныя разъясненія по этому предмету, мы считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ наша наука выработала такое пониманіе своихъ задачъ; другими словами, мы хотимъ сдѣлать нѣкоторую экскурсію въ область исторіи нашей науки, въ область исторіи „исторіи философіи“. Это имѣетъ для насъ значеніе при опредѣленіи того, что собственно въ философскихъ системахъ должно останавливать на себѣ вниманіе историка философіи.

I.

Историческая установка принципіальныхъ воззрѣній на сущность и задачи научной обработки исторіи философіи.

Исторія философіи принадлежитъ къ числу еще очень молодыхъ наукъ. Указываютъ обыкновенно зачатки ея еще въ древности,—въ цитатахъ Платона, въ работахъ Аристотеля и его школы и въ свѣдѣніяхъ о жизни и ученіяхъ философовъ, собиравшихся позднѣйшими Аристотеля философскими писателями. Но всѣ эти труды, предпринимавшіеся безъ яснаго сознанія собственно научно-исторической задачи, иногда даже съ цѣлями весьма странными и совершенно ненаучными, могутъ имѣть значеніе только, какъ сборники матеріала, — да и то весьма неудовлетворительнаго, — для исторіи древней философіи: анекдоты изъ жизни философовъ, перемѣшанные съ отрывочными свѣдѣніями объ ихъ ученіяхъ и сопровождаемые афоризмами весьма сомнительнаго происхожденія, — все это могло быть занимательнымъ

чтеніемъ, но никакъ не исторіей философіи [1]). Работы первыхъ историковъ философіи въ новое время, напримѣръ, Бруккера и др., [2]) тоже не обнаруживаютъ въ ихъ авторахъ не только яснаго сознанія какихъ либо научныхъ задачъ, но даже и вообще какой либо опредѣленной и достойной цѣли, кромѣ развѣ претензій на апріорную и голословную оцѣнку. Вѣдь „анекдотическій интересъ,—какъ вѣрно замѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ философіи, — возбуждаемый этой пестрой массой разнообразныхъ мнѣній о разныхъ вещахъ и обусловливающійся отчасти своеобразностью и странностью нѣкоторыхъ воззрѣній, этотъ анекдотическій интересъ, который былъ главнымъ притягательнымъ пунктомъ подобныхъ „„исторій философіи““, не можетъ слу-

---

[1]) Упоминанія о древнѣйшихъ философскихъ ученіяхъ Платона, Аристотеля и раннѣйшихъ перипатетиковъ требуютъ извѣстной внимательности и осторожности въ пользованіи ими для чисто историческихъ цѣлей. Въ различныхъ діалогахъ Платона мы находимъ характеристику направленій Гераклита и Парменида, Эмпедокла, Анаксагора, пиѳагорейцевъ, Протагора и Горгія, а также и другихъ софистовъ, затѣмъ болѣе всего Сократа, Антисѳена и др. сократиковъ; у Аристотеля главнымъ образомъ въ началѣ его Матафизики, въ 1 книгѣ, дается обзоръ всѣхъ предшествовавшихъ ученій, точно также—и въ 1 книгѣ Психологіи: тоже—въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ, „Объ ощущеніяхъ“, изъ обширнаго труда Ѳеофраста. Нѣтъ основаній заподозрѣвать ихъ въ сознательной неправдивости: но надо имѣть въ виду литературныя особенности и цѣли этихъ писателей. Извѣстная поэтическая вольность въ изображеніи чужихъ ученій, допускавшаяся Платономъ, по преимуществу критическія задачи, преслѣдовавшіяся Аристотелемъ,—все это не позволяетъ въ ихъ упоминаніяхъ древнѣйшимъ ученіямъ выступить въ вполнѣ объективномъ свѣтѣ. Позднѣйшіе доксографы требуютъ еще большей осторожности и критики. То же надо сказать и объ извѣстіяхъ, находимыхъ въ біографіяхъ философовъ (напримѣръ, у Діогена Лаэрція). Наконецъ, фрагменты собственныхъ сочиненій философовъ,—помимо того, что нуждаются въ самой тщательной критической обработкѣ,—само собою понятно, уже ни въ какой мѣрѣ не составляютъ исторіи, а только матеріалъ для нея.

[2]) Изложеніе Бруккера,—особенно въ главномъ его произведеніи „Historia critica philosophiae“,—часто анекдотично на манеръ Діогена Лаэрція и черезчуръ мало обращаетъ вниманія на идейную связь философскихъ ученій. Ему нехватаетъ идеи развитія философіи и понятія объ относительной цѣнности философскихъ воззрѣній. Для него существуетъ только одна истина, а все остальное—заблужденіе. Отсюда исторія философіи—„infinita falsae philosophiae exempla“.

жить ядромъ особой научной дисциплины“ [1]). Гегель съ справедливой ироніей говоритъ о подобныхъ исторіяхъ философіи, какъ о сборникахъ мнѣній различныхъ ученыхъ господъ “de omnibus rebus et de quibusdam aliis“,—„обо всѣхъ вещахъ и еще о нѣкоторыхъ другихъ“... Въ сравнительно позднее уже время стали примѣнять критическую оцѣнку источниковъ (Буле, Фюллеборнъ) [2]) и стремиться къ безпристрастной оцѣнкѣ историческаго значенія отдѣльныхъ ученій (Тидеманъ) [3]) и къ систематической критикѣ съ точки зрѣнія новѣйшей философіи (Теннеманъ, Фризъ, Шлейермахеръ) [4]). Здѣсь можно уже видѣть зачатки научной исторіи философіи.

Но окончательно выяснилось значеніе исторіи философіи, какъ самостоятельной науки, только благодаря Гегелю. Гегель первый понялъ значеніе исторіи философіи для самой философіи. Онъ первый сталъ настаивать, что смѣна философскихъ системъ не есть случайное хронологическое слѣдованіе однихъ ученій за другими, а закономѣрный процессъ послѣдовательнаго раскрытія моментовъ истины. Онъ былъ убѣжденъ, что „то же самое развитіе мышленія, которое представлено въ исторіи философіи, имѣетъ мѣсто и въ самой философіи, но освобожденное отъ собственно исторической внѣшности (Ausserlichkeit),—чисто въ элементѣ мышленія“ [5]). Онъ полагаетъ, что „послѣдовательность философ-

---

[1]) *W. Windelband*, Geschichte der Philosophie. 1892. SS. 7 ff.

[2]) *J. G. Buhle*, Lehrbuch der Geschichte der Philosophie und einer kritischen Litteratur derselben, 8 Bände, 1796—1804.—Geschichte der neueren Philosophie seit der Epoche der Wiederherstellung der Wiessenschaften, 6 Bde. 1800—1805.—*G. G. Fülleborn*, Beiträge zur Geschichte der Philosophie, 1. bis 12. Stück, 1791—99.

[3]) *D. Tiedemann*, Geist der speculativen Philosophie, 7 Bde, 1791—97. Собственная точка зрѣнія Тидемана опредѣляется своеобразнымъ соединеніемъ элементовъ Локка съ Лейбнице-Вольфіанской философіей. Въ оцѣнкѣ системъ онъ старается быть безпристрастнымъ и принимать въ разсчетъ относительное ихъ достоинство.

[4]) *W. G. Tennemann*, Geschichte der Philosophie, 11 Bde, 1798—1819.—Grundriss der Gesch. d. Philosophie. 1812.—*J. F. Fries* Gesch. d. Phil., 2 Bände, 1837—40. *Schleiermacher*, Gesch. d. Philos. 1839. Изъ трудовъ Шлейермахера особенно важны введенія и примѣчанія къ переводу сочиненій Платона.

[5]) *G. W. F. Hegel*, Encyklopädie der philos. Wissensch. im Grundrisse. 1870. § 14.

скихъ системъ въ исторіи—та же самая, что и послѣдовательность въ логическомъ введеніи опредѣленій идеи чрезъ понятіе“ [1]). Во всѣ времена существуетъ только одна діалектически развивающаяся философія [2]). Послѣдняя по времени философія есть „результатъ всѣхъ прежнихъ; ничто не теряется, всѣ принципы сохраняются“ [3]). „Мастеръ же, производящій эту работу тысячелѣтій, есть единый живой духъ, къ мыслящей природѣ котораго принадлежитъ—доводить до своего сознанія то, что онъ есть (свою собственную сущность—das, was er ist), и какъ только это станетъ, такимъ образомъ, предметомъ, тотчасъ же возвыситься надъ нимъ и быть въ себѣ высшею ступенью. Исторія философіи показываетъ въ различно проявляющихся философіяхъ частію единую философію на различныхъ ступеняхъ ея развитія, частію же то, что особые принципы, лежащіе въ томъ или другомъ случаѣ въ основѣ извѣстной системы, суть лишь вѣтви одного и того же цѣлаго. Послѣдняя по времени философія есть результатъ всѣхъ предшествующихъ философій и потому должна содержать въ себѣ принципы всѣхъ ихъ; слѣдовательно, она,—если только является философіей,—есть самая развитая, богатая и конкретная философія“ [4]). Исторія философіи есть „исторія самонахожденія мысли (Geschichte von dem Sich—selbst—finden des Gedakens)“ [5]), „исторія открытія мыслей объ абсолютномъ, составляющемъ ея предметъ“ [6]).

Эти воззрѣнія Гегеля скоро были оцѣнены по достоинству. Основной принципъ всѣми былъ признанъ совершенно правильнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ безъ труда были сознаны и односторонности и преувеличенія такого воззрѣнія. Возраженія направлялись больше всего на параллелизмъ исторической послѣдовательности системъ съ логической послѣдовательностью раскрывавшихся въ нихъ понятій. Такъ, знаменитый Эдуардъ Целлеръ во введеніи къ своей „Философіи Грековъ“ полемизируетъ именно противъ этой мысли Ге-

[1]) — , Philos. d. Gesch. I, 43 ff.
[2]) — , III, 690.
[3]) I. c. S. 685.
[4]) Encykl. § 13.
[5]) Gesch. d. Philos. S. 15.
[6]) I. c. S. 12.

геля. „Область исторіи, — говоритъ онъ, — по своей природѣ отлична отъ области философіи. Философія должна изслѣдовать сущность вещей и всеобщіе законы бываніе, исторія же имѣетъ своею задачей изложить и объяснить изъ ихъ эмпирическихъ условій опредѣленныя, данныя въ извѣстномъ времени явленія. Обѣ онѣ нуждаются другъ въ другѣ, но ни одна изъ нихъ не можетъ быть вытѣснена или замѣнена другою, и, въ свою очередь, именно исторія философіи не можетъ сдѣлать никакого употребленія изъ тѣхъ пріемовъ, которые примѣнимы (да и то съ большими ограниченіями) лишь въ философской системѣ. (Когда утверждаютъ, что историческая послѣдовательность философскихъ системъ тожественна съ логическою послѣдовательностью понятій образующихъ главныя характерныя черты этихъ системъ, то здѣсь смѣшиваются двѣ весьма различныхъ вещи. Логика, какъ ее понимаетъ самъ Гегель, должна изложить чистыя опредѣленія мысли какъ таковыя, исторія же философіи излагаетъ развитіе человѣческаго мышленія во времени. Если допускать, что тотъ и другой ходъ развитія совпадаютъ, то надо предположить, что логическія или, точнѣе, онтологическія опредѣленія образуютъ существенное содержаніе всѣхъ этихъ философскихъ системъ и что эти опредѣленія въ теченіе исторіи получаются съ тѣхъ же исходныхъ точекъ зрѣнія и въ томъ же порядкѣ, какъ и въ логической конструкціи чистыхъ понятій. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Философія не есть только логика или онтологія; предметъ ея образуетъ дѣйствительность вообще. Философскія системы показываютъ намъ совокупность доселѣ предпринятыхъ попытокъ достигнуть научнаго міровоззрѣнія; ихъ содержаніе, поэтому, нельзя сводить только къ логическимъ категоріямъ, не лишая его чрезъ это свойственныхъ ему особенностей и не улетучивая въ абстракціи. Въ то время, какъ спекулятивная логика начинаетъ съ самыхъ абстрактныхъ понятій, чтобы отсюда переходить къ болѣе конкретнымъ опредѣленіямъ, историческое развитіе философскаго мышленія начинается съ разсмотрѣнія конкретнаго,—ближайшимъ образомъ внѣшней природы, потомъ человѣка и только постепенно приводитъ къ логическимъ и метафизическимъ абстракціямъ. И законъ развитія въ логикѣ иной, нежели въ исторіи. Тамъ дѣло идетъ только о

внутреннемъ отношеніи понятій, при чемъ временное отношеніе игнорируется, здѣсь — о совершающихся въ теченіе времени измѣненіяхъ. Тамъ движеніе впередъ отъ предшествующаго къ послѣдующему направляется исключительно по логическимъ точкамъ зрѣнія: къ каждому опредѣленію примыкаетъ ближайшимъ образомъ такое новое опредѣленіе, которое можетъ быть изъ него выведено правильнымъ мышленіемъ. Здѣсь, напротивъ, прогрессъ направляется психологическими мотивами: каждый философъ изъ полученнаго отъ своихъ предшественниковъ наслѣдства, каждое время изъ доставшейся ему по традиціи доктрины дѣлаютъ то, что они умѣютъ изъ этого сдѣлать сообразно съ своимъ пониманіемъ полученнаго, съ своей манерою мыслить, съ своимъ опытомъ, знаніями, потребностями и научными средствами. А это, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ оказаться совершенно не тѣмъ, что сдѣлали бы изъ даннаго матеріала мы съ нашей точки зрѣнія. Логическая послѣдовательность можетъ господствовать надъ историческимъ прогрессомъ философіи всегда только въ той мѣрѣ, въ какой ее знаетъ философъ и въ какой признается необходимость ей слѣдовать; а какъ обстоитъ дѣло въ этомъ отношеніи, зависитъ отъ всевозможныхъ обстоятельствъ, которыми обусловливаются научныя убѣжденія: наряду съ тѣмъ, что можетъ быть прямо или косвенно выведено изъ предшествующей философіи,—какъ простое логическое слѣдствіе или какъ результатъ критики, — имѣютъ здѣсь нерѣдко рѣшающее вліяніе состояніе и потребности практической жизни, религіозные интересы, уровень эмпирическихъ знаній и общаго образованія. Не всѣ системы можно разсматривать только какъ выводы изъ ближайшихъ предшествующихъ имъ системъ, и ни одна система, заключающая въ себѣ сколько нибудь оригинальныя идеи, не ограничивается по своему происхожденію и содержанію такими рамками; напротивъ, именно новое въ нихъ обыкновенно открывается благодаря тому, что бываютъ сдѣланы новые опыты или къ сдѣланнымъ уже примѣняются новыя точки зрѣнія, тому или другому моменту усвояется иное, нежели доселѣ, значеніе. Отнюдь, поэтому, не соглашаясь съ Гегелевскимъ положеніемъ мы должны скорѣе сказать, что нѣтъ ни одной такой философской системы, принципъ которой могъ бы выражаться

чисто логическимъ понятіемъ, и ни одна система не вырабатывается изъ предыдущихъ только по закону логическаго развитія“ [1]).

Въ весьма рѣшительной и, въ свою очередь, пожалуй, уже не вполнѣ справедливой оппозиціи къ Гегелю стоитъ Ибервергъ (и его позднѣйшій издатель Гейнце). Главные недостатки принципіальнаго воззрѣнія Гегеля на исторію философіи,—не считая неправильностей и односторонностей въ освѣщеніи различныхъ философскихъ ученій въ его собственныхъ „Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie“ [2]),—

---

[1]) *Ed. Zeller*, Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung. 1. Theil. 5. Auflage. 1892. SS. 9—11.—Возставая противъ отожествленія логической и исторической послѣдовательности, Целлеръ является противникомъ и попытокъ философски конструировать исторію. „Научная обработка философско-историческаго матеріала, говоритъ онъ, естественно должна слѣдовать тѣмъ же законамъ, какъ и всякая вообще историческая работа. Наша задача состоитъ въ отысканіи и изображеніи того, что происходило; его философская конструкція все равно не была бы дѣломъ историка, если бы сама по себѣ и была возможна. Но она и невозможна—по двумъ основаніямъ. Вопервыхъ, никто не можетъ обладать такимъ исчерпывающимъ понятіемъ человѣчества, чтобы быть въ состояніи знать всѣ условія его историческаго развитія такъ точно и учесть всѣ ихъ безчисленныя комбинаціи настолько полно, что отсюда можно было бы вывести какъ особенности различныхъ эмпирическихъ состояній человѣчества, такъ и временное измѣненіе этихъ обстоятельствъ. А затѣмъ, историческое движеніе само по себѣ отнюдь не таково, чтобы могло быть предметомъ апріорной конструкціи. Ибо исторія по существу дѣла есть результатъ свободной дѣятельности индивидуумовъ, и хотя несомнѣнно, что въ самой этой дѣятельности господствуетъ и въ ней осуществляется нѣкоторый всеобщій законъ, однако ни одно изъ ея произведеній, не исключая самыхъ значительныхъ явленій исторіи, не можетъ быть вполнѣ, во всѣхъ своихъ частныхъ чертахъ изъяснено изъ апріорной необходимости. Дѣйствіямъ индивидуумовъ присуща вся та случайность, которая составляетъ удѣлъ конечной воли и разсудка, и если изъ встрѣчи, борьбы и тренія этихъ индивидуальныхъ дѣйствій въ концѣ концовъ всетаки возникаетъ закономѣрное совокупное теченіе, то при этомъ не только отдѣльные элементы даннаго теченія, но и цѣлое ни въ одномъ пунктѣ не оказываются просто-на-просто необходимыми, а необходимо все лишь настолько, насколько оно принадлежитъ къ общему ходу, какъ къ нѣкоторому логическому скелету исторіи, въ своихъ же временныхъ проявленіяхъ, напротивъ, все болѣе или менѣе случайно“ (a. a. O. 8—9).

[2]) Изданы Мишле въ 3 томахъ (въ собр. соч. Гегеля—тт. 13—15). Образцомъ пристрастнаго толкованія философскихъ ученій прошлаго Ибервегъ беретъ, съ одной стороны, изложеніе Гегелемъ нѣкоторыхъ

по мнѣнію Ибервега, обусловлены тремя слѣдующими допущеніями:

а) что каждая форма исторической дѣйствительности въ своихъ историческихъ границахъ и въ особенности каждая философская система, какъ опредѣленный членъ общаго философскаго развитія, на своемъ мѣстѣ должны считаться вполнѣ правомочными явленіями, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ, наряду съ имѣющею свое историческое оправданіе ограниченностью отдѣльныхъ формъ, выступаютъ, какъ элементы, уже не имѣющіе и такого относительнаго оправданія, прямое заблужденіе и ложь и влекутъ за собою уклоненіе фактическихъ формъ отъ идеальныхъ нормъ развитія (въ особенности нѣкоторыя по временамъ господствующія реакціи и ложныя антиципаціи);

б) что въ Гегелевской системѣ ходъ развитія философіи имѣетъ свой абсолютный, по существу дѣла не могущій быть превзойденнымъ дальнѣйшей работой мысли, заключительный моментъ;

в) что историческая послѣдовательность отдѣльныхъ философскихъ точекъ зрѣнія естественно совпадаетъ, безъ какого либо существеннаго различія, съ систематической послѣдовательностью отдѣльныхъ категорій,—будь то только логическія категоріи [1]) или также и категоріи натурфилософіи и философіи духа [2]).

Самъ Ибервегъ имѣетъ замѣтную склонность къ хроникальному, а по мѣстамъ даже чисто библіографическому изложенію исторіи философіи (иногда, впрочемъ, сопровождаемому критикой не раздѣляемыхъ имъ философскихъ взглядовъ) и потому даже къ самому общему требованію разсматривать философскія системы, какъ моменты приближенія къ истинѣ (независимо отъ степени послѣдовательности и неуклонности такого приближенія), особенно сочувствія не обнаруживаетъ.

философемъ Платона въ духѣ своей системы имманентности, а съ другой, превратное толкованіе ученія Локка вслѣдствіе неправильной оцѣнки его научныхъ мотивовъ.—*Ueberweg*, Grundirss der Geschichte der Philosophie. 1. Theil. Das Alterthum. 8. Aufl., bearbeitet und herausgegeben von *M. Heinze*. 1894. S. 11.

[1]) Какъ можно думать по Vorl. über die Gesch. d. Philos. Bd. I, S. 128.

[2]) Vgl. ebend. S. 120, u. Bd. III, S. 686 ff.—*Ueberweg-Heinze*, a. a. O.

Конечно, не трудно было понять и исправить ошибку Гегеля, состоявшую, какъ видимъ, въ томъ, что онъ бралъ исторію философіи въ ея, такъ сказать, идеальномъ движеніи,—такою она должна бы быть, если бы системы представляли неуклонное движеніе къ послѣдовательному выясненію истины съ разныхъ сторонъ;—онъ игнорировалъ тѣ реальныя условія философствованія, на которыя потомъ было обращено надлежащее вниманіе и о которыхъ теперь такъ много говорится въ руководствахъ и изслѣдованіяхъ по исторіи философіи [1]), условія, столь затрудняющія для человѣческой мысли приближеніе къ истинѣ; не трудно было отбросить и то ошибочное убѣжденіе Гегеля, что именно его система составляетъ завершительный моментъ историческаго роста философіи. Но основной взглядъ Гегеля на сущность историческаго процесса въ смѣнѣ философскихъ ученій, какъ процесса послѣдовательнаго, связнаго и закономѣрнаго приближенія къ истинѣ,—совершенно правиленъ. Только съ провозглашеніемъ и установкой этого взгляда, исторія философіи получила свое научное raison d'être. Только теперь она освобождалась отъ своего хроникальнаго и односторонне-критическаго характера, какой она получила въ первыхъ научныхъ попыткахъ ея обработки.

Плодотворное примѣненіе этого взгляда самому Гегелю,—какъ было показано многими критиками, — удалось очень плохо: слишкомъ ужъ много однообразной закономѣрности онъ требовалъ отъ философскихъ системъ и, чтобы открыть эту закономѣрность и сдѣлать изъ послѣдовательно смѣнявшихся системъ ступени къ абсолютной, т. е. своей собственной, философіи, онъ сильно искажалъ истинный характеръ системъ, втискивая ихъ въ свои апріорныя рубрики. Но открытіе плодотворнаго принципа, во всякомъ случаѣ, стоитъ его удачнаго примѣненія, и потому заслуга Гегеля для нашей науки все равно остается незабвенной. Положительная и цѣнная сторона Гегелевскаго воззрѣнія на исторію философіи, а равно и сознаніе допущенныхъ имъ ошибокъ образуютъ ту почву, на которой выросло и выработалось тепе-

---

[1]) См. въ цитированномъ нашемъ соч. „Исторія философіи, какъ процессъ и т. д.“, стр. 26 и слѣд.

решнее ясное сознаніе истинныхъ научныхъ задачъ исторіи философіи и правильное пониманіе ея методовъ.

Болѣе всего въ этомъ отношеніи принесъ пользы наукѣ своими многочисленными работами знаменитый Куно Фишеръ,—хотя и самъ гегельянецъ, но свободный отъ главнѣйшихъ недостатковъ этой школы. Можно даже прямо сказать, что лишь благодаря ему Гегелевское воззрѣніе на исторію философіи удержалось, не смотря на крушеніе системы, въ нѣдрахъ которой оно зародилось. Въ виду этого, мы позволимъ себѣ нѣсколько подробнѣе познакомить читателей съ существенными воззрѣніями Куно Фишера на нашу науку. Это не только полезно для предположеннаго частнаго выясненія нашихъ собственныхъ взглядовъ на этотъ предметъ, но и обязательно, какъ дань научной благодарности.

„Если справедливо, говоритъ Куно Фишеръ, что исторія есть человѣческая жизнь въ большихъ размѣрахъ, то должна существовать аналогія между методомъ, по которому исторія развиваетъ истину въ мыслящихъ умахъ, и тѣмъ методомъ, по которому мы производимъ сами въ себѣ эту истину. Ступени, которыя пробѣгаетъ исторія для того, чтобы произвести философскую систему, должны соотвѣтствовать фазамъ нашего собственнаго сознанія, когда мы рѣшаемся философствовать. Въ макрокосмѣ исторіи мы найдемъ эти степени развитія только въ бо̀льшихъ и, слѣдовательно, болѣе явственныхъ чертахъ; мы узнаемъ ихъ въ превосходнѣйшихъ примѣрахъ и, слѣдовательно, наилучшимъ образомъ. Поэтому большое изображеніе мы предпочтемъ малому, и какъ Платонъ строитъ государство для того, чтобы найти справедливость, такъ и мы будемъ смотрѣть на исторію философіи, какъ на Пропилеи, которыя наилучшимъ образомъ введутъ насъ въ самую философію. Конечно, при этомъ допускается двоякое предположеніе: во-первыхъ, что философія совпадаетъ съ тою степенью, на которой она теперь находится; и во-вторыхъ, что исторія философіи идетъ по закономѣрному развитію отъ одной системы къ другой, что системы слѣдуютъ другъ за другомъ не случайно, а необходимо. Мы можемъ говорить о введеніи въ философію только въ томъ случаѣ, если справедливо первое предположеніе; мы можемъ довѣрить это введеніе исторіи философіи только въ

томъ случаѣ, если справедливо второе предположеніе. Оба эти предположенія составляютъ философскія спорныя точки, и чѣмъ сильнѣе на нихъ нападали, тѣмъ больше требуется, чтобы мы ихъ защитили“ [1]). Нужно замѣтить, что въ защитѣ этихъ положеній, въ особенности перваго, Куно Фишеръ только путемъ очень тонкаго различенія спасается отъ упрека въ противорѣчіи. Причиною этого является его приверженность къ гегельянству. „Если я самую философію, говоритъ онъ, отождествляю съ ея позднѣйшею системою, то я однако же далекъ отъ того, чтобы принять догматъ, который дѣйствительно былъ признаваемъ въ этой системѣ (Куно Фишеръ разумѣетъ гегельянство). Подавляющее впечатлѣніе, сдѣланное позднѣйшею философіей на мыслящихъ современниковъ, сила и строгость ея метода, огромность ея объема—всѣ эти рѣдкія и единственныя достоинства привели къ тому, что въ безмѣрномъ панегиризмѣ стали систему эту выдавать за вполнѣ законченное дѣло философскаго духа. Будущее рѣшитъ, дѣйствительно ли это мнѣніе столь же нелѣпо, сколько оно, безъ сомнѣнія, было преждевременно..... Философія столь же мало исчерпывается одною системою, какъ искусство однимъ художественнымъ произведеніемъ, какъ религія—одною догматикой, какъ справедливость — однимъ государствомъ. Поэтому я не отождествляю философію съ однимъ изъ ея результатовъ, даже и съ самымъ послѣднимъ; никакой философской системы, даже и послѣдней, я не признаю свободною отъ тѣхъ ограниченій, которыя возлагаетъ на нее извѣстное время. Отрѣшить какую-нибудь философскую систему отъ этихъ ограниченій значитъ уничтожить самую исторію. Философія не исчерпывается въ одной системѣ, точно такъ какъ родъ человѣческій въ одномъ человѣкѣ“.....[2]) Какъ видимъ, Куно Фишеръ колеблется здѣсь между яснымъ сознаніемъ относительности всѣхъ вообще философ-

---

[1]) *Куно Фишеръ*, Исторія новой философіи. Пер. *Н. Страхова*, 1862 г. Т. I. Стр. 2—3. Мы цитируемъ по переводу съ стараго изданія, какъ ближе выражающаго взгляды автора именно въ началѣ его ученo-литературной дѣятельности. О позднѣйшихъ его взглядахъ, которые, впрочемъ, не расходятся принципіально (а лишь въ примѣненіяхъ и частныхъ сужденіяхъ), будетъ нѣсколько словъ въ одномъ изъ ниже слѣдующихъ примѣчаній.

[2]) Тамъ-же, стр. 3—4.

скихъ построеній и признаніемъ въ гегельянствѣ наивысшаго проявленія философствующаго духа, такъ что вся раннѣйшая философія является только введеніемъ въ эту. Выходъ отсюда онъ находитъ въ томъ, что для своего времени считаетъ Гегелеву философію окончательнымъ итогомъ предшествовавшаго развитія. „Подъ условіями дѣйствительности, говоритъ онъ, философія всегда является въ ограниченіяхъ вѣка, какъ развитая система, и кто хочетъ ввести себя въ философію, тотъ долженъ познакомиться съ ея высочайшимъ явленіемъ. Если же онъ хочетъ избѣжать ограниченій системы и опираться на одно родовое понятіе философіи, то онъ покидаетъ область дѣйствительности и ссылается на одну способность. Поэтому онъ или долженъ самъ создать новую систему и тѣмъ доказать эту способность, или же онъ долженъ признать ее въ высочайшемъ ея проявленіи. Такъ какъ мы не хотимъ здѣсь пускаться въ невѣрную область пустой возможности, то мы будемъ представлять себѣ философію, какъ существующую въ нѣкоторой опредѣленной системѣ, и наше введеніе въ изученіе философіи не идетъ неизвѣстно куда, но имѣетъ въ виду опредѣленную систему философіи. Естественно, что эта опредѣленная система есть послѣдняя или настоящая система (это Куно Фишеръ говорилъ въ 1853 г.), такъ какъ въ ней до сихъ поръ философія наиболѣе удовлетворяетъ сама себѣ, или способность философіи дѣйствовала наиполнѣйшимъ образомъ. Для насъ въ извѣстномъ смыслѣ эта настоящая система безконечна, потому что она еще не перестала дѣйствовать“ [1]). Въ позднѣйшее время Куно Фишеръ въ значительной мѣрѣ отрѣшился отъ этой преданности и, такъ сказать, философской партійности. Собственно говоря, въ принципѣ взглядъ его вѣренъ: не отожествляя философію вообще съ какою-нибудь опредѣленною системой и полагая послѣдній результатъ философскихъ исканій лишь въ безконечной дали будущаго, мы для своего времени должны наиболѣе владѣющую умами систему считать наиполнѣйшимъ итогомъ предшествовавшаго философскаго развитія, а всѣ раннѣйшія какъ бы введеніемъ въ нее. Но дѣло въ томъ, что такой всеобъемлющей системы въ настоящее время нѣтъ; и въ 1853 году ею от-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 5.

нюдь не было гегельянство, потому что на ряду съ нимъ существовали другія не менѣе достойныя вниманія системы и точки зрѣнія. [1])

Изложенный общій взглядъ на исторію философіи и на отношеніе ея къ положительнымъ задачамъ философіи далъ Куно Фишеру возможность правильно понять научныя задачи исторіи философіи и показать несостоятельность процвѣтавшихъ до Гегеля взглядовъ,—хроникальнаго и односторонне критическаго. „Обыкыновенно признаютъ, говоритъ Куно Фишеръ,—и этого нельзя отрицать,—что въ теченіе времени подъ именемъ философіи являлись системы, въ которыхъ человѣческій умъ излагалъ свои высочайшія понятія. Но чтобы въ этихъ различныхъ системахъ имѣло мѣсто согласное развитіе, чтобы мыслящій духъ въ различныхъ мыслителяхъ шелъ впередъ методически, — противъ такого понятія возстаетъ обыкновенное представленіе. И, такъ какъ рядъ этихъ системъ не умѣютъ связать понятіемъ философіи, то различныя системы безсвязно распадаются, каждая стоитъ отдѣльно, сама по себѣ, и соединяющая сила, которая располагаетъ члены въ извѣстномъ порядкѣ, не есть мыслящій духъ, а только временная послѣдовательность. Такимъ образомъ, въ системахъ не видятъ ничего, кромѣ хронологическаго порядка, и когда вздумаютъ излагать исторію философіи, получаютъ только хронику. Въ этомъ случаѣ къ самому предмету относятся по крайней мѣрѣ безъ предубѣжденій и излагаютъ то, что было на самомъ дѣлѣ, именно: временную послѣдовательность философскихъ системъ. Но такой непредубѣжденный взглядъ (который не лишенъ достоинства для собиранія историческаго матеріала) очень скоро забывается, и начинаютъ искать результата, который добыла наконецъ исторія философіи. Хотятъ не только описывать эту исторію, но и судить объ ней, и потому начинаютъ разсуждать объ ней. Но тутъ внѣшняя физіономія исторіи даетъ тотчасъ готовое сужденіе, которое пишутъ какъ мораль подъ баснею и которое можетъ разъ навсегда

---

[1]) Въ юбилейномъ изданіи своей „Исторіи“ К. Фишеръ уже воздерживается отъ такихъ отзывовъ о Гегелевой системѣ (ср. его „Введеніе въ исторію новой философіи“, пер. съ 4 нѣм. изд. *В. А. Попова*, вып. 1, 1900 г., стр. 3—19).

произнести приговоръ надъ исторіею философіи. Каждая система имѣетъ притязаніе быть истинною; слѣдовательно, всѣ онѣ равно истинны, если мы будемъ принимать ихъ за то, за что онѣ выдаютъ сами себя. Такъ какъ истина однако можетъ быть только одна и сама себѣ не противорѣчитъ, а философскія системы, напротивъ, разногласятъ,—если только не діаметрально противоположны другъ другу,—то очевидно, всѣ онѣ равно ложны, если мы будемъ принимать ихъ за то, за что онѣ выдаютъ взаимно другъ друга. Такимъ образомъ, предъ лицомъ исторіи философіи ставится судейское кресло, и о системахъ судятъ такъ, какъ мудрецъ въ разсказѣ Натана: каждую признаютъ правою, и осуждаютъ или отвергаютъ наконецъ всѣ. Кольцо каждой принимаютъ за настоящее, а потомъ надъ всѣми произносятъ приговоръ, что они фальшивые. Если смотрятъ на исторію философіи съ этой точки зрѣнія, то судятъ объ ней или эклектически или скептически. Электически судятъ, когда признаютъ за каждою системою одинаковое право и равное притязаніе на истину; скептически судятъ, когда ни въ одной не находятъ самой истины и, слѣдовательно, считаютъ всѣ философскія системы равно ей чуждыми... Успѣхъ, который и теперь имѣютъ эти взгляды, эклектическій и скептическій, на исторію философіи зависитъ отъ той важной мины, которую такъ легко принять и которой подражать еще легче. Исторія философіи разсматривается, какъ басня, которой нравоученіе предоставляется субъективному благоусмотрѣнію; эклектикъ высказываетъ его въ видѣ общаго утвержденія, скептикъ— въ видѣ общаго отрицанія... Въ хроникальномъ изложеніи отъ одной системы къ другой движется только время; никакой другой связи системъ здѣсь нѣтъ. Движется ли впередъ сама философія, переживаетъ ли она въ послѣдовательности системъ нѣкоторую исторію, — этотъ вопросъ не интересуетъ хрониста, который излагаетъ только то, что произошло. Слѣдовательно, для хроникальнаго изложенія исторіи философіи не существуетъ, такъ какъ въ немъ извѣстныя философіи только располагаются по порядку времени, и сама философія, съ этой точки зрѣнія, есть неизвѣстная величина, которая вовсе не входитъ въ разсчетъ. Напротивъ, съ эклектической и скептической точекъ зрѣнія, хотя и существуетъ философія, но не прогрессивная. Для эклектика

философія исчерпывается въ каждой системѣ; и, слѣдовательно, для него нѣтъ въ ней прогресса. Для скептика нѣтъ философіи ни въ одной системѣ, слѣдовательно, и для него нѣтъ никакого поступательнаго движенія въ ряду системъ. А такъ какъ безъ этого движенія нѣтъ и исторіи философіи, то мы должны принять, что исторія философіи отвергаетъ какъ эклектическій, такъ и скептическій взглядъ“ [1]).

---

[1]) Тамъ-же, стр. 6 — 8. Въ своемъ позднѣйшемъ введеніи въ исторію новой философіи Куно Фишеръ къ возникновенію хроникальнаго и односторонне-критическаго взгляда на исторію философіи уже не относится такъ высокомѣрно и иронизирующе, а видитъ въ нихъ нѣчто принципіальное именно, вполнѣ естественное слѣдствіе тѣхъ трудностей, какія заключаются въ самомъ понятіи исторіи философіи. „Уже самое понятіе исторіи философіи,—говоритъ онъ здѣсь,—представляетъ нѣкоторыя затрудненія, могущія повредить дѣлу. Ибо понятіе становится труднымъ, если его признаки невозможно тотчасъ-же согласовать между, собою; оно становится невозможнымъ, если они дѣйствительно несогласимы. Повидимому, между понятіями *исторіи* и *философіи* происходитъ такого рода разногласіе: исторія немыслима безъ хронологическаго ряда событій, философія—безъ познанія истины, а истинно только такое понятіе, которое совершенно соотвѣтствуетъ вещи или своему предмету. Но здѣсь могутъ имѣть мѣсто только два случая, именно, существуетъ-ли соотвѣтствіе между понятіемъ и вещью, или нѣтъ; въ первомъ случаѣ понятіе истинно, во второмъ—ложно. Истина можетъ быть только *одна*, она не имѣетъ порядка или временной послѣдовательности событій, а слѣдовательно, повидимому и исторіи. И вотъ является исторія философіи, послѣдовательный рядъ различныхъ системъ, зачастую гораздо сильнѣе противорѣчащихъ другъ другу и никогда вполнѣ не соглашающихся между собою, чѣмъ открытая оппозиція самой философіи, чѣмъ яснѣйшее доказательство противъ возможности ея существованія. И вотъ появляются противорѣчивыя мнѣнія философовъ, многочисленность и разнообразіе ихъ системъ, которыя подвергаютъ сомнѣнію возможность познанія истины. Въ числѣ упрековъ, бросаемыхъ древними скептиками философіи, противорѣчіе системъ было однимъ изъ первыхъ и важнѣйшихъ. Ясно, что съ этой точки зрѣнія объ исторіи философіи въ строгомъ смыслѣ слова не можетъ быть рѣчи; приходится или придерживаться исторически данныхъ фактовъ множества такъ называемыхъ системъ, не заботясь объ истинности ихъ содержанія, и сообразно этому дѣлать изъ исторіи философіи только исторію излагаемыхъ философовъ, ихъ жизни, мнѣній и школъ, насколько позволяютъ это источники и насколько хорошо они поняты; или требовать единства истиннаго познанія и усматривать въ этихъ различныхъ системахъ множество попытокъ, которыя не ведутъ къ цѣли и которыя поголовно осуждаются за ихъ историческій характеръ. Такимъ образомъ въ исторіи философіи историческій интересъ совершенно расходится съ философскимъ: въ пер-

Единственно возможнымъ и законнымъ взглядомъ, по мнѣнію Куно Фишера, остается тотъ, который въ основу исторіи философіи кладетъ идею развитія.

Доселѣ изложенные взгляды Куно Фишера, можно сказать, цѣликомъ сдѣлались общенаучнымъ достояніемъ. И хотя новѣйшее время не свободно отъ примѣровъ хроникальнаго (напримѣръ у Ибервега), односторонне-критическаго изложенія исторіи философіи (напримѣръ, у Льюиса, Дюринга и др.), тѣмъ не менѣе послѣ Гегеля и Куно Фишера такой способъ изложенія уже безспорно признается устарѣлымъ. Идея развитія тоже согласно признается основою и руководящимъ принципомъ въ научной разработкѣ исторіи философіи. Но самое пониманіе Куно Фишеромъ этой идеи развитія философіи не имѣло такого успѣха въ наукѣ и далеко не распространено. Въ движеніи философскихъ системъ Куно Фишеръ видитъ развитіе человѣческаго самопознанія. Эта точка зрѣнія, во многихъ отношеніяхъ весьма цѣнная, является все-таки односторонней: она слишкомъ подчеркиваетъ антропологическій интересъ исторіи философіи (что можно видѣть отчасти и изъ приведенныхъ въ самомъ началѣ выдержекъ, гдѣ Куно Фишеръ настаиваетъ на точномъ соотвѣтствіи ступеней историческаго развитія философіи съ ступенями индивидуальнаго философскаго развитія) и оставляетъ въ тѣни интересъ объективно-научный. Во всякомъ случаѣ, послѣ Гегеля за постановку исторіи философіи на вполнѣ научную почву первая благодарность принадлежитъ Куно Фишеру. И когда въ цитированномъ нами юбилейномъ

вомъ случаѣ исторія философіи становится предметомъ только разсказа, во второмъ—только сужденія: разсказъ перваго рода столько-же лишенъ критики и сужденія, какъ критика второго лишена исторіи и историческаго взгляда. Съ односторонне исторической точки зрѣнія получается только исторія, а не философія, а съ односторонне критической — только философія, а не исторія. Эта философія.... съ историческими системами поступаетъ или чисто скептически—въ томъ случаѣ, когда всѣ ихъ отвергаетъ, или эклектически,—когда она по чисто субъективной оцѣнкѣ отмѣчаетъ и выбираетъ истинное" (Введеніе въ ист. нов. фил., В. А. Попова, вып. 1. Стр. 4—6). Діогенъ Лаэрцій, Секстъ Эмпирикъ и Іоаннъ Стобей въ древности, Томасъ Стэнли, Петръ Бэйль и Яковъ Бруккеръ въ новое время суть, по К. Фишеру, представители трехъ несостоятельныхъ способовъ обработки исторіи философіи — хроникальнаго, скептическаго и эклектическаго (стр. 6—7).

сборникѣ въ его честь онъ называется корифеемъ современныхъ научныхъ представителей исторіи философіи, то въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей дозы лести, а лишь дань справедливости.

Мы показали, какъ постепенно выяснялась общая концепція предмета и значеніе исторіи философіи. Что-же касается ея научныхъ задачъ и методовъ, то выясненіе ихъ шло объ руку съ пониманіемъ факторовъ историческаго развитія философскаго мышленія. Куно Фишеръ и въ этомъ отношеніи оказалъ добрую услугу Гегелю, сохранилъ за нимъ честь оставаться иниціаторомъ научной разработки исторіи философіи: Гегель главною движущею силой въ развитіи философіи считалъ логическую потребность раскрытія идеи путемъ діалектическаго процесса, имманентную необходимость. Но кромѣ этой силы, происхожденіе философскихъ системъ много обязано и другому фактору, который можно назвать культурно-историческимъ. „Здѣсь, говоритъ Виндельбандъ, приходится имѣть дѣло съ представленіями, возникшими на почвѣ условій времени, и съ общественными потребностями, которыя даютъ философіи ея задачи и матеріалы для разрѣшенія ихъ. Крупныя открытія и вопросы, поднятые спеціальными науками, стремленія религіознаго сознанія, воззрѣнія искусства, перевороты въ государственной и общественной жизни даютъ философіи внезапные толчки и создаютъ новыя стремленія, выдвигающія ту или иную проблему впередъ и заставляющія забывать другія проблемы“ [1]). Гегель обратилъ вниманіе и на это соотношеніе, но не воспользовался имъ какъ слѣдуетъ. Среди его послѣдователей всего лучше выяснилъ этотъ культурно-историческій моментъ опять Куно Фишеръ и въ своей „Исторіи новой философіи“ далъ ему блестящее примѣненіе.

Такимъ образомъ, Куно Фишера вмѣстѣ съ Гегелемъ можно считать творцомъ научной исторіи философіи. Принципы изслѣдованія, примѣненные имъ, стали послѣ него примѣнять и другіе. Такъ, на исторію философіи смотрятъ, какъ на введеніе въ философію: Бауэръ, Рейхлинъ Мельдеггъ, Краузе. Изъ новѣйшихъ писателей по нашей наукѣ болѣе всего приближается къ Куно Фишеру по пріемамъ

---

[1]) *Виндельбандъ*, Исторія философіи. Пер. *Рудина*. 1898. Стр. 11.

работы и по основному воззрѣнію на цѣнность системъ (но отнюдь не по своимъ положительнымъ убѣжденіямъ) Альфредъ Фулье. У насъ въ Россіи подражателемъ Куно Фишера въ своихъ академическихъ чтеніяхъ былъ профессоръ М. И. Каринскій.

Но сколь ни много обязана наша наука своей правильной постановкой Гегелю и Куно Фишеру, все-таки нельзя сказать, чтобы ими въ этомъ отношеніи было сдѣлано все. Самая идея развитія философіи у Куно Фишера получила одностороннее толкованіе. Кромѣ того, и указаніе факторовъ философскаго прогресса, которые обязанъ вскрыть историкъ при объясненіи любой данной системы, сдѣлано Куно Фишеромъ неполно, почему и его собственная „Исторія философіи“ производитъ впечатлѣніе нѣкоторой искусственности и не совсѣмъ вѣрно воспроизводитъ историческую физіономію системъ.

Кромѣ имманентной необходимости перехода отъ одной системы къ другой, или логической потребности—раскрыть разъ выставленные принципы до ихъ отдаленнѣйшихъ слѣдствій, примирить открывающіяся противорѣчія и устранить допущенный догматизмъ, кромѣ, затѣмъ, культурно-историческаго фактора, въ движеніи системъ громадное участіе принимаетъ и такъ называемый индивидуальный факторъ. „Наиболѣе крупные представители философіи, говоритъ Виндельбандъ, являются обыкновенно законченными, самостоятельными индивидуальностями, особенности которыхъ оказываютъ вліяніе не только на выборъ и группировку проблемъ, но точно также и на разработку послѣднихъ, какъ въ ихъ собственныхъ ученіяхъ, такъ и въ ученіяхъ ихъ послѣдователей..... Очевидно, что эта зависимость разработки философскихъ проблемъ отъ субъективныхъ условій жизни отдѣльныхъ личностей оказываетъ еще большее вліяніе, чѣмъ условія времени, національности и т. д. Нѣтъ ни одной философской системы, которая была бы свободна отъ этого вліянія личности своего творца. Поэтому всѣ философскія системы являются продуктами индивидуальнаго творчества и имѣютъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое сходство съ произведеніями искусства. Подобно послѣднимъ, онѣ могутъ быть поняты только въ связи съ личностью своего создателя. Элементы міровоззрѣнія у каждаго философа складываются изъ вѣч-

ныхъ проблемъ дѣйствительности и направленной на ихъ разрѣшеніе дѣятельности разума, а также изъ воззрѣній и идеаловъ его народа и времени; форма же, распорядокъ, связь и оцѣнка, которой онѣ подвергаются въ системѣ философа, обусловлены его рожденіемъ, воспитаніемъ, его дѣятельностью и судьбою, его характеромъ и его жизненнымъ опытомъ“ [1]).

Значеніе этого индивидуальнаго фактора замѣчено было очень скоро. Самъ Куно Фишеръ въ своихъ позднѣйшихъ трудахъ сталъ придавать ему надлежащее значеніе. Но трудно здѣсь назвать какого-нибудь одного опредѣленнаго ученаго, которому бы первому наука была обязана указаніемъ на эту сторону дѣла. Поправки и дополненія дѣлать вообще легче, чѣмъ устанавливать первые принципы и дѣлать первые опыты примѣненія этихъ принциповъ. Изъ авторовъ курсовъ по исторіи философіи удѣляютъ достаточное вниманіе этому фактору философскаго развитія Виндельбандъ и Фалькенбергъ. Особенно большое значеніе придаетъ ему авторъ одного изъ новѣйшихъ курсовъ датскій профессоръ Гаральдъ Гефдингъ. Онъ во введеніи въ свою „Исторію новой философіи“ говоритъ о громадномъ значеніи „личнаго уравненія“ при выработкѣ рѣшеній философскихъ проблемъ [2]). Аналогія въ этомъ случаѣ заимствуется изъ астрономіи, гдѣ считается необходимымъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, для даннаго наблюдателя знать характеръ и величину обычно допускаемыхъ имъ ошибокъ въ отмѣткѣ своихъ наблюденій; этимъ и пользуются для поправокъ въ вычисленіяхъ, опирающихся на его наблюденія. Въ исторіи философіи дѣло можно представлять такимъ образомъ, что такой или иной отвѣтъ на философскій вопросъ есть историческое неизвѣстное, X, обусловливаемое историческими данными,—извѣстными,—средой, господствующими научными воззрѣніями, философскими традиціями и, главнымъ образомъ, личными особенностями и наклонностями мыслителя; если бы мы по этимъ условіямъ составили уравненіе для опредѣленія X, то при изслѣдованіи этого уравненія (читатели, вѣроятно, помнятъ изъ ал-

---

1) Тамъ-же, стр. 12.

2) *H. Höffding,* Geschichte der neueren Philosophie. Uebers. von *F. Benedixen* Lpz. 1894. B. I. S. X.

гебры объ изслѣдованіи уравненія), наибольшее вліяніе на величину и характеръ X пришлось бы приписать личному фактору.

Въ своей монографіи объ исторіи философіи, какъ объективномъ процессѣ, мы старались выяснить, насколько это участіе личнаго фактора въ нѣкоторыхъ случахъ нарушаетъ закономѣрность философскаго прогресса [1]). Легко понять, какъ важно для историка философіи, при изученіи той или иной системы, точно опредѣлить размѣры этого участія и, при оцѣнкѣ ея научнаго значенія, элиминировать (выдѣлить) все, имѣющее только субъективный интересъ для самого мыслителя. И какъ бы ни было велико по своему объему это лишь субъективно-цѣнное, всетаки получится нѣкоторый и объективно-цѣнный остатокъ. „Въ исторіи философіи, говоритъ Виндельбандъ, и удивительно именно то, что изъ этой подавляющей массы индивидуальныхъ и коллективныхъ заблужденій въ цѣломъ выдѣлилась всетаки схема общепринятыхъ формъ міропознанія и жизнепониманія, представляющая научный результатъ исторіи философіи“ [2]).

Подведемъ теперь итогъ своей экскурсіи въ область недлинной исторіи нашей науки. Мы видимъ, что съ тѣхъ поръ, какъ исторія философіи стала на твердую научную почву,—съ Гегеля и до нашихъ дней,—выяснилась для историка необходимость при объясненіи каждой системы вскрыть въ ней дѣйствіе трехъ факторовъ: логическаго, культурно-историческаго и индивидуальнаго. Такъ будетъ достигнуто объясненіе данной системы, указанъ ея генезисъ. Но такъ какъ для историка философіи, по удачному сравненію Фалькенберга, „каждая новая система есть только новый камень, который, будучи хорошо отесанъ, и искусно приложенъ къ другимъ, помогаетъ возводить въ высоту пирамиду знанія“ [3]), то за объясненіемъ, собственно исторической задачей, должна слѣдовать оцѣнка,—задача философски-критическая. Это объясненіе и въ особенности эта оцѣнка (которую не слѣдуетъ

---

[1]) *П. В. Тихомировъ*, Исторія фил., какъ процессъ постеп. выраб. научно обосн. и истин. міровоззрѣнія, стр. 26 и слѣд.

[2]) *Виндельбандъ*, стр. 13.

[3]) *Фалькенбергъ*, Исторія новой философіи отъ Николая Кузанскаго (XV в.) до настоящаго времени. Пер. подъ ред. проф. *А. И. Введенскаго*. 1894 г. Стр. 2.

смѣшивать съ обыкновенной критикой) имѣютъ свои спеціальные методы.

II.

Современное пониманіе научныхъ задачъ и методовъ исторіи философіи.

Если брать научныя задачи философіи во всей полнотѣ, то она должна,—какъ формулируетъ эти задачи Виндельбандъ,—„1, точно установить всѣ данныя, которыя могутъ быть получены о жизни, духовномъ развитіи и ученіяхъ отдѣльныхъ философовъ изъ находящихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ;—2, изъ этихъ данныхъ возстановить генетическій процессъ такимъ образомъ, чтобы для каждаго философа ясна была зависимость его ученія какъ отъ ученія его предшественниковъ, такъ и отъ общихъ идей его времени, отъ его индивидуальныхъ особенностей и отъ его образованія;—3, оцѣнить, какое значеніе имѣютъ по отношенію къ общему результату исторіи философіи изученныя и разъясненныя такимъ образомъ ученія“ [1]). Это пониманіе научныхъ задачъ исторіи философіи въ настоящее время принадлежитъ къ числу общепризнанныхъ; и если доселѣ встрѣчаются еще курсы, которые охотнѣе разрабатываютъ какую-либо одну изъ этихъ задачъ, не затрогивая или лишь слегка касаясь другихъ, то это происходитъ не вслѣдствіе несогласія съ указаннымъ общимъ взглядомъ на задачи науки, а вслѣдствіе методологическихъ или личныхъ удобствъ и тѣхъ или иныхъ спеціальныхъ цѣлей. Въ принципѣ же ни одинъ историкъ философіи не отрицаетъ, что онъ обязанъ показать три вещи: чему и при какихъ обстоятельствахъ училъ данный философъ? какъ возникло такое ученіе? и какую цѣнность оно имѣетъ въ общемъ ростѣ философскаго вѣдѣнія? Виндельбандъ называетъ двѣ первыя задачи нашей науки филологическо-историческими, а послѣднюю философско-критической [2]). Это не совсѣмъ точно,—по крайней мѣрѣ, въ отношеніи второй задачи. Что собираніе фактическихъ данныхъ о жизни, духовномъ развитіи и

---

[1]) *Виндельбандъ*, l. c. стр. 13.

[2]) Тамъ-же.

ученіи извѣстнаго философа есть работа филологическо-историческая, это—вѣрно; но выясненіе генезиса философской системы можетъ быть названо въ строгомъ смыслѣ исторической работой лишь постольку, поскольку вскрывается вліяніе на систему культурно-историческаго фактора; участіе же въ ея созданіи логическаго фактора, что̀ и представляетъ собственно главный философскій интересъ, можетъ быть показано только спеціалистомъ-философомъ, способнымъ оцѣнить силу идейныхъ философскихъ мотивовъ,—напримѣръ, понять скрытое противорѣчіе въ предшествовавшихъ системахъ, точно установить взаимное отношеніе понятій, имѣвшихъ особенно важное значеніе для даннаго философа, а главное, возстановить подлинный ходъ мыслей и связь идей, что въ литературномъ изложеніи самого мыслителя часто бываетъ затушевано массой сторонніхъ подробностей и вспомогательныхъ методическихъ аксессуаровъ. Напримѣръ, понять и истолковать логическую схему Кантовой критики познанія можетъ только тотъ, кто всецѣло войдетъ въ духъ идей владѣвшихъ умомъ Канта, тщательно отдѣлитъ въ его писаніяхъ имѣющее значеніе лишь литературнаго пріема отъ того, что выдаетъ дѣйствительный ходъ или только направленіе мыслей философа; а для этого онъ долженъ подвергнуть сравнительному критико-философскому анализу различныя произведенія Канта, трактующія данный предметъ съ разныхъ сторонъ (главнымъ образомъ „Критику чистаго разума“ и „Пролегомены“);—такъ будетъ достигнуто генетическое объясненіе лишь въ сферѣ собственнаго мышленія Канта; прослѣдить же логическіе отголоски въ этомъ мышленіи идей его предшественниковъ и современниковъ можно опять только путемъ подобнаго же философскаго анализа и разностороннихъ сопоставленій. Вообще реконструировать логическій ходъ мыслей философа—не менѣе философская задача, чѣмъ и историко-критическая оцѣнка его системы. Подобнымъ же образомъ и объяснить дѣйствіе въ образованіи системы индивидуальнаго фактора—болѣе психологическая задача, чѣмъ чисто историческая. Задачу же оцѣнки системъ называютъ философской—совершенно справедливо.

При разрѣшеніи каждой изъ своихъ трехъ спеціальныхъ задачъ исторія философіи пользуется особымъ методомъ. Наилучшее разъясненіе методовъ первой изъ этихъ задачъ

для древней философіи впервые дано Шлейермахеромъ, по указаніямъ котораго и работалъ извѣстный Риттеръ, авторъ двѣнадцатитомной, для настоящаго времени нѣсколько уже устарѣвшей исторіи философіи. Изъ новѣйшихъ же писателей мы считаемъ нужнымъ указать, какъ на дающихъ правильныя и достаточно подробныя разъясненія методовъ двухъ первыхъ задачъ,—на Виндельбанда и Фулье въ ихъ „Исторіяхъ философіи“ и на Эмиля Бутру въ его „Etudes d' histoire de la philosophie“ (собственно о задачахъ исторіи философіи здѣсь—одна небольшая, но весьма интересная статья). Для методовъ же третьей, философско-критической задачи, наилучшія разъясненія даютъ Куно Фишеръ и особенно Фулье. Дѣло здѣсь представляется въ такомъ видѣ.

Что касается установки фактической стороны (первая задача), то исторія философіи опирается при этомъ на тщательное и обширное изслѣдованіе источниковъ [1]). Однако послѣдніе для различныхъ временъ отличаются весьма различной ясностью и полнотой.

Главными источниками философско-историческаго изслѣдованія являются, разумѣется, сочиненія самихъ философовъ. При изученіи исторіи новой философіи мы имѣемъ въ этомъ отношеніи сравнительно твердую почву подъ ногами. Со времени изобрѣтенія книгопечатанія литературная традиція установилась столь прочно и ясно, что она уже не доставляетъ въ общемъ никакихъ затрудненій. Сочиненія, изданныя философами со времени возрожденія, вполнѣ доступны для современнаго изслѣдованія: случаи, въ которыхъ вопросы о подлинности, времени происхожденія и т. п. могли бы давать поводъ къ спорамъ, крайне рѣдки; филологическая критика имѣетъ здѣсь очень мало мѣста, и тамъ, гдѣ она примѣняется (напримѣръ при оцѣнкѣ различныхъ изданій Кантовыхъ сочиненій, особенно „Критики чистаго разума“), она касается только подчиненныхъ и, въ послѣдней инстанціи, безразличныхъ пунктовъ. Точно также и со стороны полноты матеріала мы здѣсь достаточно обезпе-

---

[1]) Характеристику первой задачи исторіи философіи и методовъ ея разрѣшенія мы приводимъ по Виндельбанду (ср. цит. соч., стр. 13 и слѣд., а также его „Исторію древней философіи“, пер. подъ ред. проф. *А. И. Введенскаго*, 3 изд. 1902 г., стр. 5—6).

чены: трудно предположить, чтобы что-нибудь важное было утеряно или еще ожидало опубликованія. Если внимательное филологическое изслѣдованіе послѣдняго столѣтія и дало намъ нѣчто новое о Спинозѣ, Лейбницѣ, Кантѣ, Мэнъ-де-Биранѣ, то философскій результатъ такого изслѣдованія, сравнительно съ тѣмъ, что мы уже знали раньше, имѣетъ только ничтожную цѣнность. Въ лучшемъ случаѣ, дѣло шло—и впредь можетъ итти—лишь о дополненіяхъ; особенное значеніе при этомъ имѣютъ случайныя данныя изъ переписки, могущія пролить большій свѣтъ на индивидуальный факторъ философско-историческаго развитія.

Въ менѣе благопріятномъ положеніи находятся источники средневѣковой философіи, часть которыхъ (хотя и незначительная) доселѣ еще находится въ рукописяхъ. В. Кузенъ и его школа много сдѣлали для опубликованія этихъ текстовъ, и въ общемъ мы можетъ быть убѣждены, что обладаемъ и для этого времени достаточнымъ,—хотя и не лишеннымъ пробѣловъ,—матеріаломъ. Напротивъ, наше знакомство съ арабской и еврейской философіей среднихъ вѣковъ и съ ея вліяніемъ на ходъ европейской мысли въ частностяхъ доселѣ еще весьма проблематично; это образуетъ чувствительный пробѣлъ въ изученіи источниковъ исторіи философіи.

Гораздо еще хуже обстоитъ дѣло съ памятниками античной философіи. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, главное изъ оригинальныхъ сочиненій сохранилось до насъ и здѣсь: таковы—основныя сочиненія Платона и Аристотеля, хотя и въ очень сомнительной формѣ, и писанія позднѣйшаго времени, — сочиненія Цицерона, Сенеки, Плутарха, святыхъ отцевъ и неоплатониковъ. Несравненно большая часть философскихъ сочиненій древности затеряна. Вмѣсто нихъ мы должны довольствоваться фрагментами, которые только благодаря случайной цитаціи у того или иного изъ сохранившихся до насъ писателей дошли къ намъ, да и то въ весьма спорной формѣ.

Если, не смотря на это, удалось все-таки получить детальную и научно-достовѣрную картину развитія древней философіи (яснѣе, чѣмъ средневѣковой), то этимъ мы обязаны не только непрерывнымъ усиліямъ филологической и философской обработки этого матеріала, а и тому обстоятельству, что на ряду съ остатками оригинальныхъ про-

изведеній философовъ до насъ дошли и остатки историческихъ извѣстій древнихъ-же авторовъ объ ученіяхъ древнѣйшихъ философовъ; — это — уже вторичные источники. Впрочемъ, и изъ этихъ источниковъ лучшее затеряно,— именно, историческіе труды и ученые сборники перипатетической и стоической школы изъ конца IV и изъ III в.в. до Р. Хр. Эти работы впослѣдствіи прошли черезъ много рукъ, прежде чѣмъ превратиться въ сохранившіяся до насъ компиляціи изъ римской эпохи, каковы, напр., извѣстныя подъ именемъ Плутарха „Placita philosophorum", „Deipnosophistae" Атенея, сочиненія Секста Эмпирика, Діогена Лаерція „*Περὶ βίων, δογμάτων καὶ ἀποφθεγμάτων τῶν ἐν φιλοσοφίᾳ εὐδοκιμησάντων*" выдержки у св. отцовъ и извѣстія комментаторовъ позднѣйшаго времени, напр., Александра Афродисійскаго, Θемистія и Симплиція.

Тамъ, гдѣ источники находятся въ столь сомнительномъ состояніи, какъ въ области всей древней философіи, тамъ критическая установка фактическихъ данныхъ должна идти объ руку съ изслѣдованіемъ прагматической и генетической связи. Ибо тамъ, гдѣ самые источники оказываются недостаточными или сомнительными, рѣшеніе можетъ быть получено только выясненіемъ разумной, т. е. соотвѣтствующей психологическому опыту, связи: въ этихъ случаяхъ исторія философіи, какъ и всякая исторія, обязана, положивъ въ основу достовѣрно извѣстное по источникамъ, оріентироваться и въ тѣхъ областяхъ, гдѣ утеряна нить надежной и достовѣрной традиціи (разумѣется, конечно, литературная, а не устная традиція).

Объясненіе фактическихъ данныхъ (2-ая задача нашей науки) въ исторіи философіи, какъ мы уже говорили, бываетъ или идейно-прагматическимъ, или культурно-историческимъ, или-же, наконецъ, психологическимъ, — соотвѣтственно тремъ указаннымъ раньше факторамъ, опредѣляющимъ движеніе философской мысли,—логическому, культурно-историческому и индивидуальному.

Что касается примѣненія каждаго изъ этихъ методовъ объясненія, то, по нашему мнѣнію, каждый изъ нихъ въ надлежащихъ границахъ долженъ быть примѣняемъ къ изученію каждой системы. Эти границы примѣненія каждаго изъ трехъ методовъ опредѣляются конечною цѣлью исторіи

философіи. Мы говорили въ началѣ своей статьи, что наша наука имѣетъ своею цѣлью вѣрное изображеніе и воспроизведеніе историческаго роста философіи, какъ процесса постепенной научной обработки общихъ вопросовъ, состоящаго въ постепенномъ освобожденіи научнаго міросозерцанія отъ всякихъ односторонніхъ и догматическихъ примѣсей и тѣмъ приближающаго наше знаніе къ идеалу абсолютной истины. Другими словами, въ изучаемой системѣ историкъ философіи обязанъ вскрыть моментъ приближенія къ истинѣ. Отсюда ясно, что основною цѣлью исторіи философіи является идейно-прагматическое объясненіе системъ, только оно даетъ возможность правильной философско-критической оцѣнки системы съ ея положительныхъ сторонъ. Методы двухъ прочихъ объясненій,—культурно-историческаго и психологическаго,—должны при этомъ имѣть уже вспомогательное значеніе: они должны содѣйствовать, прежде всего и главнымъ образомъ, отдѣленію въ изучаемой системѣ научно-цѣннаго и истиннаго отъ случайныхъ историческихъ и индивидуально-субъективныхъ примѣсей, а затѣмъ и прояснить положительное научное значеніе тѣхъ или иныхъ идей системы указаніемъ на ихъ реальные мотивы и отношенія. Такимъ образомъ, эти два объясненія должны предшествовать идейно-прагматическому, образовать для него естественное prius и историческую опору. Неправильно поэтому мнѣніе нѣкоторыхъ писателей по нашей наукѣ,—напр., не разъ цитированнаго уже Виндельбанда,—будто примѣненіе того или иного изъ трехъ методовъ философско-историческаго объясненія системъ зависитъ отъ фактическаго состоянія источниковъ и будто прагматическое объясненіе предпочитается только такими историками, которые во всѣхъ раннѣйшихъ системахъ видятъ только приготовленіе къ какой-нибудь опредѣленной системѣ,—какъ, напр., Гегель исторію философіи разсматриваетъ только какъ подготовленіе своей системы, или Тило всѣ системы оцѣниваетъ, лишь какъ подготовку Гербартовой философіи. Мы видѣли, что взглядъ, считающій исторію философіи подготовкой или введеніемъ къ абсолютно-истинной системѣ философіи, въ принципѣ вполнѣ законенъ, и только при немъ исторія философіи становится научно-цѣнной дисциплиной. Единственно что нужно помнить при проведеніи этого взгляда, дабы не впасть въ

заблужденіе, это-то, что ни одна система не бываетъ настолько всеобъемлющей, даже и для своего времени, чтобы справедливо считаться полнымъ итогомъ раннѣйшаго философскаго развитія. А идейно-прагматической должна быть всякая исторія философіи. Упоминаемое-же Виндельбандомъ фактическое состояніе источниковъ здѣсь совершенно не причемъ. Конечно, по своему личному вкусу историкъ можетъ ограничиться, напр., только культурно-историческимъ или психологическимъ объясненіемъ; но пусть онъ и помнитъ, что это далеко не есть его главное дѣло, а только подготовительная работа. Мы, впрочемъ, считаемъ возможнымъ ограничиться подобными объясненіями въ отношеніи къ такимъ философемамъ, которыя не имѣли самостоятельнаго значенія въ качествѣ моментовъ приближенія къ истинѣ, а представляли собою только разработку почвы для какой нибудь самостоятельной системы. Таковы, напр., доктрины эпохи возрожденія, подготовившія умы къ созданію новой европейской философіи, таковы многія доктрины т. н. англійскаго, французскаго и нѣмецкаго просвѣщенія, представлявшія собою, съ одной стороны, популяризацію раннѣйшей философіи, а съ другой, образовавшія атмосферу, въ которой зародились позднѣйшія самостоятельныя идеи.

Такъ какъ объясненіе системы должно подготовить насъ къ ея философско-критической оцѣнкѣ, то понятно, какъ важна правильность и историческая вѣрность этого объясненія. Говоримъ это одинаково о всѣхъ трехъ видахъ объясненія. Указать какіе нибудь однообразные внѣшніе пріемы и способы для достиженія подобной правильности и вѣрности невозможно. Общіе пріемы анализа,—историческаго, психологическаго и логическаго,—конечно, должны имѣть здѣсь самое широкое и разностороннее примѣненіе; но всѣ эти пріемы всетаки могутъ дать намъ только мертвую схему,—да и то часто не соотвѣтствующую дѣйствительности,—если къ нимъ не присоединяется нѣчто, не поддающееся точной методологической регламентаціи, но существенно важное, именно, способность вполнѣ стать на точку зрѣнія объясняемаго автора, какъ-бы ассимилировать свое мышленіе и свои интересы съ его мышленіемъ и интересами. Это—родъ того симпатическаго переживанія чужой душевной жизни, которое характеризуетъ художественное творчество. „Если мы не

съумѣемъ сдѣлать этого, говоритъ Фулье, мы будемъ походить на астронома, который, оставаясь въ Парижѣ и наблюдая небо въ телескопъ, захотѣлъ-бы судить о картинѣ неба съ Нью-Іоркской обсерваторіи. Многіе изъ историковъ философіи впадали въ подобную ошибку,—они начинали съ признанія ихъ собственной точки зрѣнія единственно вѣрной и съ признанія своей обсерваторіи истиннымъ центромъ вселенной“ [1])... Впрочемъ, для историка философіи эта способность стать на чужую точку зрѣнія и ассимилироваться съ мышленіемъ объясняемаго философа въ гораздо меньшей степени есть плодъ врожденнаго таланта и живой подвижности души, чѣмъ для художника. Справедливо говорятъ, что „poëtae nascuntur“; ну, а хорошимъ историкомъ философіи можно и сдѣлаться при нѣкоторой работѣ надъ собой. Это зависитъ отъ того, что послѣднему приходится имѣть дѣло съ мышленіемъ другихъ людей, которое легче поддается анализу и усвоенію, чѣмъ чувство и волевые импульсы, занимающіе художника. Главное и въ нѣкоторомъ смыслѣ даже единственное въ этомъ случаѣ условіе для историка философіи—отрѣшиться на время объясненія отъ всѣхъ своихъ собственныхъ убѣжденій насчетъ истиннаго и ложнаго, помнить, что все это, въ сущности, весьма относительныя категоріи,—и истинное для нашего времени можетъ казаться такимъ только намъ, за плечами которыхъ стоитъ слишкомъ 2,000-лѣтняя исторія мысли, для древнѣйшихъ-же мыслителей существовали другіе горизонты, какъ равно совсѣмъ другіе горизонты будутъ существовать и для нашихъ отдаленныхъ потомковъ... Ничто такъ не мѣшаетъ пониманію чужихъ воззрѣній, какъ слишкомъ крѣпкая и близорукая увѣренность въ окончательной и непогрѣшительной истинности своихъ собственныхъ убѣжденій. Лишь тотъ, кто убѣдилъ себя въ относительности всѣхъ исторически возникающихъ точекъ зрѣнія, не исключая и своей собственной, кто пріучилъ себя цѣнить самую эту относительность, какъ залогъ постояннаго и безконечнаго нашего приближенія къ абсолютной истинѣ,—тотъ способенъ сообщить своему мышленію достаточную подвижность, чтобы освоиться въ рамкахъ любого міровоззрѣнія.

---

[1]) *A. Fouillée*, Histoire de la philosophie, 2 ième édition. Paris. 1879. P. VII.

Третья задача нашей науки, какъ было указано выше, есть оцѣнка системъ со стороны ихъ значенія въ историческомъ движеніи философской мысли. Эту оцѣнку не слѣдуетъ смѣшивать съ обыкновенной критикой. Впервые раскрылъ задачи философской критики въ исторіи и далъ образцы ея примѣненія Куно Фишеръ. Онъ не разъ и настойчиво заявлялъ, что „критика какой-нибудь философіи состоитъ вообще не въ томъ, что противъ нея, по усмотрѣнію, дѣлаются возраженія, что по произволу то или другое подвергается суду, одно осуждается, другое хвалится, въ одномъ мѣстѣ что-нибудь признается правильнымъ, въ другомъ что-нибудь ложнымъ. Такимъ образомъ, говоритъ онъ, не судятъ о философской системѣ, а только говорятъ о ней, подобно тому, какъ въ обыкновенномъ разговорѣ говорятъ объ обыкновенныхъ людяхъ; только пересуживаютъ философію то въ хорошемъ, то въ дурномъ смыслѣ. Нѣтъ ничего легче, какъ долго и много наговорить о философской системѣ. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ судить о философскихъ предметахъ опредѣленно и вѣрно“ [1]). Самому Куно-Фишеру задача философской критики представлялась въ слѣдующемъ видѣ.

„Каждая философія, говоритъ онъ, есть сообразное понятію развитіе нѣкотораго начала, она представляетъ связную цѣпь мыслей, первый членъ которой есть начало, а послѣдній— высочайшее заключительное слѣдствіе начала. Такимъ образомъ, первый и послѣдній членъ соединены между собою и заключаютъ цѣпь понятій; такую заключительную цѣпь, такую единодушную совокупность мыслей мы обозначаемъ словомъ система.—Критика должна судить о системѣ. Она сдѣлаетъ это только тогда, когда разсмотритъ связь понятій и изслѣдуетъ, вполнѣ-ли строга эта связь, другими словами, дѣйствительно-ли начало и слѣдствіе сопряжены между собою.—Итакъ, разобрать систему значитъ изслѣдовать, согласна-ли система сама съ собою или нѣтъ.—Если изслѣдованіе убѣдитъ меня въ этомъ полномъ согласіи, то я долженъ признать эту систему. Если при критикѣ системы я не встрѣтилъ никакого противорѣчія, то система становится моею системой, я признаю себя ея приверженцемъ и принимаюсь

---

[1]) *Куно Фишеръ*, цит. соч., стр. 148.

за ея пропаганду“ [1]). Въ этихъ словахъ Куно Фишера, равно какъ и въ нѣкоторыхъ послѣдующихъ его сужденіяхъ, мы имѣемъ несомнѣнный отголосокъ его гегельянскаго воззрѣнія на критерій истины; но это не служитъ серьезнымъ препятствіемъ правильности его разъясненій насчетъ философской критики. „Напротивъ, продолжаетъ онъ, если изслѣдованіе обнаруживаетъ въ системѣ противорѣчія, то связь понятій оказывается недостаточною,—я прихожу къ сужденію, что эта система несовершенна, другими словами, что она не есть дѣйствительная система.—Критика соглашается съ системою,—это значитъ она находитъ, что система вполнѣ согласна сама съ собою. Критика отвергаетъ систему, это значитъ, что, по ея изысканію, система противорѣчитъ сама себѣ.—Какъ это возможно? Въ чемъ состоитъ такое противорѣчіе?—Въ системѣ послѣдовательно раскрывается нѣкоторое начало.—Итакъ, первый вопросъ—согласно-ли слѣдствіе съ началомъ?—Второй вопросъ—согласно-ли начало само съ собой? Поэтому критика должна вести слѣдующія изысканія: она разсматриваетъ, правильны-ли всѣ слѣдствія, извлеченныя философіей изъ ея начала; если нѣтъ, то система должна быть исправлена и въ такомъ случаѣ критика становится корректурою системы. Она разсматриваетъ, дѣйствительно-ли извлечены изъ начала всѣ слѣдствія, какія можно извлечь; если нѣтъ, то система должна быть далѣе разработана, и въ такомъ случаѣ, критика дополняетъ и обработываетъ систему.—Если развитіе начала (цѣпь слѣдствій) правильно и полно, то критика изслѣдуетъ самое начало; и если здѣсь открывается противорѣчіе, то нужно измѣнить начало и опровергнуть существующую систему.—Если начала противорѣчатъ сами себѣ, то критика должна положить сѣкиру при корнѣ и низвергнуть систему“ [2]).

Въ приведенныхъ разсужденіяхъ Куно Фишера совершенно правильно намѣчены существенные моменты философской критики: 1) формально-логическая провѣрка выводовъ—а) со стороны ихъ правильности и б) полноты, 2) провѣрка основоположеній. Но во всѣхъ подробностяхъ эти разъясненія уже не соотвѣтствуютъ теперешнимъ требованіямъ науки. Не го-

[1]) Тамъ-же, стр. 149.
[2]) Тамъ-же, стр. 149—150.

воря уже объ опредѣленіи философіи, какъ „сообразнаго понятію развитія нѣкотораго начала“, не говоря о томъ, что формально-логическая согласованность системы признается ручательствомъ за ея истинность,—это все предразсудки школы (гегельянской), idola theatri, выражаясь языкомъ Бэкона, и можетъ быть безъ труда и безъ ущерба для дѣла отброшено,—помимо всего этого, воззрѣнія Куно Фишера страдаютъ двумя недостатками: 1) онъ совершенно незаконно возлагаетъ на историка философіи задачу дополнять и исправлять систему, въ случаѣ, если она не доводитъ своихъ выводовъ до конца или дѣлаетъ неправильные выводы; дѣло историка—только показать эту неполноту и неправильность, какъ основаніе для новаго пересмотра проблемы въ послѣдующихъ системахъ, и ему нѣтъ никакой надобности ни соглашаться съ системою и пропагандировать ее, ни отвергать ее и „класть сѣкиру при корнѣ“... 2) Куно Фишеръ неправильно смотритъ на оцѣнку основоположеній: согласіе начала съ самимъ собой, т. е. отсутствіе въ немъ логическаго противорѣчія, отнюдь еще не есть ручательство за его правильность. Избѣгать противорѣчій умѣетъ даже миѳологическое мышленіе. Гораздо важнѣе показать, насколько основоположенія свободны отъ догматическихъ и спорныхъ предположеній и допущеній.

Послѣдующіе историки философіи въ значительной мѣрѣ отрѣшились отъ этихъ недостатковъ Куно Фишера, удержавъ изъ его воззрѣній существенно цѣнное. Теперь начала философско-исторической критики въ общемъ стоятъ довольно твердо и безспорно, хотя единоличные примѣры неправильнаго ея пониманія и доселѣ встрѣчаются между историками философіи. Вотъ какъ эти начала представлены у Виндельбанда: „Масштабомъ оцѣнки, говоритъ онъ, не должны служить ни чисто субъективный взглядъ историка, ни его философскія убѣжденія; примѣненіе ихъ неизбѣжно лишаетъ критику научной объективности. Для человѣка, убѣжденнаго, что онъ обладаетъ единой философской истиной, равно какъ и для того, кто при изученіи спеціальной науки привыкъ, опираясь на несомнѣнные результаты изслѣдованія, дѣлать безъ затрудненій точную оцѣнку предшествующихъ попытокъ, искушеніе уложить всѣ теченія и формы въ прокрустово ложе своей системы можетъ быть

дѣйствительно сильно; но кто умѣетъ всматриваться спокойнымъ взоромъ въ историческія судьбы мышленія, тотъ благоговѣйно воздержится отъ упрековъ философскимъ героямъ въ незнакомствѣ съ мудростью эпигоновъ.—Научная философія не должна довольствоваться поверхностнымъ обсужденіемъ философскихъ ученій. Она должна стоять на точкѣ зрѣнія имманентной критики, руководствующейся двумя принципами: формально-логической послѣдовательностью и научнымъ значеніемъ каждаго взгляда“ [1]). Эта краткая характеристика совершенно вѣрно представляетъ дѣло. Понятіе имманентной критики даетъ важнѣйшее и самое цѣнное указаніе на всю сущность оцѣнки системъ, требующейся въ исторіи философіи.

Сущность имманентной критики очень проста. Это есть критика (т. е. разборъ, оцѣнка) извѣстной системы въ предѣлахъ ея собственныхъ основоположеній и допущеній. Въ этомъ опредѣленіи даны три понятія: 1) критика, какъ общій родовой признакъ, 2) основоположенія и 3) допущенія, какъ ограничивающія видовыя разности.

Критика (всякая) состоитъ въ провѣркѣ формально-логической и матеріально-научной правильности разбираемаго ученія. Первая задача должна быть выполнена безъ всякихъ ограниченій; вторая-же ограничивается видовыми признаками имманентной критики: матеріально-научную правильность надо провѣрять не по даннымъ нашей науки и нашего опыта, а по даннымъ тогдашней науки, тогдашняго опыта, къ которымъ и примыкаютъ основоположенія и допущенія.

Основоположеніями мы называемъ исходные пункты системы (то, что Куно-Фишеръ называетъ „началомъ“). Критика въ предѣлахъ основоположеній и есть, прежде всего, провѣрка полноты и формальной правильности выводовъ. Но критика должна простираться и на самыя основоположенія. Это дѣлается посредствомъ открытія ихъ молчаливо принимаемыхъ, implicite въ нихъ заключающихся предположеній, посредствомъ открытія ихъ логическихъ prius'овъ. Послѣднія и составляютъ допущенія системы.

Эти допущенія могутъ быть или апріорными началами

---

1) *Виндельбандъ*, Цит. соч., стр. 15.

мышленія (не всякаго вообще мышленія, а тогдашняго—въ родѣ, напр., картезіанской аксіомы: „res ibi agere non potest, ubi non est"), или-же данными тогдашней науки. Въ обоихъ случаяхъ мы уже выходимъ изъ рамокъ самой системы, но не въ сферу нашихъ идей, а въ сферу идей того времени, съ точки зрѣнія которыхъ и надо провѣрять основоположенія. Такимъ образомъ и матеріально-научная провѣрка будетъ всетаки имманентной (какъ видимъ, это — совсѣмъ не то-же, что Куно Фишеровское согласіе начала съ самимъ собою).

III.

Критическій разборъ воззрѣній Альфреда Фулье на задачи и сущность исторической оцѣнки философскихъ системъ.

Правильное примѣненіе началъ имманентной критики составляетъ существеннѣйшую задачу нашей науки. Способы этого примѣненія въ отдѣльныхъ случаяхъ могутъ разнообразиться, соотвѣтственно съ обстановкой; но конечная цѣль остается неизмѣнной—показать положительное значеніе системы въ историческомъ движеніи общечеловѣческой (универсальной) философской мысли. Ясное сознаніе этой цѣли можетъ служить коррективомъ противъ разнаго рода субъективныхъ увлеченій. Нѣкоторыя изъ такихъ увлеченій мы могли замѣтить уже у Куно Фишера. Чаще всего мы въ этихъ случаяхъ имѣемъ перевѣсъ личнаго философскаго интереса надъ историческимъ безпристрастіемъ. Такъ какъ призывы къ безпристрастію (это давно уже замѣчено) не только весьма трудно осуществляются, но и весьма рѣдко понимаются въ надлежащемъ смыслѣ, то мы считаемъ не лишнимъ на конкретномъ примѣрѣ показать, какъ увлекающійся историкъ вмѣсто настоящей имманентной критики (или, вѣрнѣе сказать, вмѣстѣ съ нею) можетъ принимать нѣчто сильно отъ нея уклоняющееся. Такой примѣръ мы находимъ въ не разъ цитованной „Исторіи философіи" Альфреда Фулье.

Предлагая вниманію читателей изложеніе и разборъ воззрѣній Фулье на задачи и сущность исторической оцѣнки философскихъ системъ, мы должны предупредить ихъ насчетъ его литературной манеры: въ такомъ серьезномъ и

даже сухомъ вопросѣ, какъ о задачахъ и методахъ философской критики, Фулье не умѣетъ воздержаться отъ лирическихъ и риторическихъ отступленій, мѣшающихъ отчетливости и точности выраженія его мыслей. Нужно отдѣлаться отъ впечатлѣнія, производимаго этой литературной манерой, чтобы понять цѣнность положительныхъ воззрѣній Фулье по настоящему вопросу.

Фулье, настаивая на томъ, что для правильнаго пониманія философскихъ системъ требуется искусство вполнѣ становиться на точку зрѣнія объясняемыхъ мыслителей, что „нужно воспроизвести ихъ работу, вкладывая въ нее такой-же интересъ, какъ въ свой личный трудъ, и проникнуть въ ихъ мысль еще глубже, если это возможно, чѣмъ они сами“, [1]) только въ такомъ полномъ пониманіи видитъ условіе и правильной оцѣнки системъ. „Хорошо понятая система, говоритъ онъ, на половину является уже оцѣненной и какъ-бы сама собою занимаетъ мѣсто въ ряду философскихъ ученій“. [2]) Собственно-же оцѣнка, какъ спеціальная задача исторіи философіи, по его мнѣнію состоитъ въ двухъ вещахъ: въ исправленіи заблужденій и въ согласованіи истинъ.

Что касается исправленія заблужденій, то послѣднія, по его словамъ, „могутъ быть двухъ родовъ: заблужденія въ выводахъ и примѣненіяхъ и заблужденія въ принципахъ. Напр., мы видимъ, что Гоббесъ изъ того, что интересъ общества долженъ быть обезпеченъ возможно болѣе прочно, дѣлаетъ выводъ, что абсолютный деспотизмъ—въ интересахъ общества. Но даже—допуская принципъ Гоббеса,—принципъ интереса, — этотъ выводъ надо признать ложнымъ потому, что деспотизмъ совсѣмъ не наибольшая сила, могущая поддержать общественныя узы, и свобода въ этомъ случаѣ гораздо могущественнѣе, чѣмъ физическая сила. Тутъ, слѣдовательно, ошибка въ выводѣ, въ слѣдствіи, въ примѣненіи. Чтобы исправить ошибки этого рода, нужно-ли выходить изъ предѣловъ разбираемой системы и отвергать ихъ во имя другой системы?—Отнюдь нѣтъ; гораздо лучше сначала исправить ложные выводы изъ ученія при помощи его соб-

---

1) *Fouillée,* op. cit., p. VI.

2) ibid., p. VIII.

ственныхъ принциповъ; такъ, напр., здѣсь нужно будетъ въ духѣ Гоббесовой гипотезы сдѣлать лучшее заключеніе, чѣмъ это сдѣлано самимъ Гоббесомъ, и сказать ему: предполагая вмѣстѣ съ Вами, что не имѣется другого общественнаго правила, кромѣ величайшаго интереса общества, мы утверждаемъ, что этотъ принципъ не ведетъ къ тѣмъ выводамъ, которые дѣлаете Вы; Вы, слѣдовательно, не въ правѣ отказываться отъ исправленія въ этомъ пунктѣ Вашей системы, ибо такое исправленіе въ концѣ концовъ дополняетъ и усовершенствуетъ ее. — Это исправленіе выводовъ аналогично повѣркѣ, употребляемой математикомъ противъ ошибокъ въ вычисленіи, напр., ошибокъ въ сложеніи или умноженіи. Но, надо замѣтить, ошибки въ примѣненіи сами по себѣ ничего не доказываютъ, они ничего не говорятъ противъ самыхъ принциповъ и не опровергаютъ сущности теоріи;— точно такъ-же, какъ исправить ошибки въ сложеніи или умноженіи совсѣмъ не значитъ опровергнуть правила этихъ ариѳметическихъ дѣйствій, а значитъ только показать, что эти правила не вѣрно примѣнены въ данномъ случаѣ. Тѣмъ не менѣе, многіе историки философіи воображаютъ, что они опровергли систему, опровергши ея непослѣдовательности или ея незаконныя примѣненія. Краснорѣчивая декламація противъ теоріи, къ которой примыкаетъ Гоббесъ, отнюдь не есть, однако удовлетворительное опроверженіе теоріи утилитаризма. Что-же выходитъ? Вы думаете опровергнуть доктрину, опровергая ея ошибки въ выводахъ; но другіе сторонники тѣхъ-же принциповъ избѣгаютъ этихъ ошибокъ, и система оказывается тѣмъ прочнѣе, что послѣ того она становится болѣе связной и болѣе послѣдовательной. Напр., Бэнтамъ и Стюартъ Милль, признавая утилитаризмъ Гоббеса, пришли къ либеральнымъ выводамъ, вмѣсто того, что бы, какъ Гоббесъ, сдѣлать выводы въ пользу деспотизма. Стало быть, невозможно опровергнуть систему, опровергая ошибки, не составляющія ея сущности". 1) По мнѣнію Фулье, историкъ философіи долженъ исправлять эти ошибки въ выводахъ и дополнять изучаемое ученіе.

За этой критикой выводовъ слѣдуетъ критика принциповъ. „Только тогда, говоритъ Фулье, когда мы возсоздадимъ та-

1) Ibid., p. VIII—IX.

кимъ образомъ доктрину и очистимъ ее отъ ея случайныхъ недостатковъ, можно приступить къ критикѣ основаній. Оцѣнка выводовъ, ошибочныхъ примѣненій, погрѣшностей въ деталяхъ здѣсь была-бы недостаточна: если Вы не берете систему въ ея принципѣ, въ ея сущности и, такъ сказать, въ ея истинѣ, Вы не будете въ состояніи ее опровергнуть.— При помощи какого-же метода можно опровергнуть принципъ, составляющій сущность системы? Такимъ принципомъ, по его словамъ, всегда бываетъ фактъ или понятіе, имѣющее извѣстное значеніе и извѣстную истинность. Чистый абсурдъ не можетъ быть ни понятъ, ни выраженъ; система, покоющаяся на принципѣ, вполнѣ абсурдномъ, не могла-бы ни развиваться, ни жить. Ошибка въ принципахъ состоитъ скорѣе въ неполной ихъ истинности, чѣмъ въ абсолютной ложности. Она—или частное наблюденіе, выдаваемое за полное наблюденіе, какъ, напр., предположеніе Ларошфуко о всеобщемъ эгоизмѣ, или частичное и абстрактное понятіе, признаваемое за выраженіе полной истины, каково, напр., понятіе протяженія или понятіе мышленія [1]). Какимъ-же образомъ можно опровергнуть принципъ подобнаго рода? Показавъ, что утверждаемая имъ истина есть истина неполная. Но для доказательства, что истина неполна, нужно показать, что она существуетъ только при условіи дополненія ея другими истинами и что безъ такого дополненія она не въ состояніи объяснять вещи. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ довольно странному, повидимому, заключенію: опровергать системы серьезно, съ пользой и окончательно, можно только при посредствѣ заключающихся въ нихъ истинъ..... Здѣсь нужно не разрушать, а созидать и слить все, что другіе создали вѣрнаго, въ болѣе широкую и всеобъемлющую истину. Точно также въ исторіи народъ завоевываетъ другой, только поглощая его и присоединяя къ себѣ; — настоящая побѣда философіи состоитъ не въ разрушеніи, а въ примиреніи“ [2]).

Второю задачей философской критики послѣ исправленія ошибокъ Фулье считаетъ, какъ мы сказали, согласованіе истинъ. „Для подобнаго примиренія, говоритъ онъ, необхо-

---

[1]) Два понятія, игравшія громадную роль въ картезіанствѣ.

[2]) Ibid., p. IX—X.

димо прежде всего изслѣдовать, что могло быть признано общимъ въ противоположныхъ системахъ,—нужно брать отъ другихъ и давать другимъ какъ можно больше. Потомъ, когда согласіе между системами прекращается, надо смотрѣть, не примутъ ли системы—если провести ихъ до ихъ отдаленнѣйшихъ слѣдствій, вскрыть истинный смыслъ каждой изъ нихъ,—нѣкотораго совпадающаго направленія и не будутъ ли онѣ тогда все болѣе и болѣе приближаться другъ къ другу; напр., не могутъ-ли быть сближены фаталистическая нравственность и нравственность, основанная на свободѣ, если мы сдѣлаемъ изъ этихъ ученій совершенно логическіе и крайніе выводы. Чтобы еще болѣе увеличить это сближеніе, нужно искать среднихъ терминовъ между противоположными идеями. Такъ, напр., не существуетъ-ли средняго термина, который могли-бы и даже должны-бы были принять какъ тѣ, которые отрицаютъ нашу свободную волю, такъ и тѣ, которые признаютъ ее? Идея нашей свободы, когда мы опираемся на нее, даетъ намъ относительно нашихъ страстей власть, совершенно аналогичную самой свободѣ. Эта идея, общая приверженцамъ теоріи свободной воли и теоріи фатализма, представляетъ первое средство сближенія между этими теоріями 1). Другія посредства, продолжаетъ онъ, какъ, напр., желаніе свободы, могутъ еще больше сблизить ихъ. Такимъ образомъ можно ввести возможно большее количество подобныхъ среднихъ терминовъ и постепенно уменьшить разстояніе между этими ученіями. При помощи такого метода возможно комбинировать системы и расположить ихъ, какъ различныя части единаго зданія. Подобнымъ образомъ возможно поставить каждое ученіе на надлежащее мѣсто; при этомъ признаются только положенія общія имъ всѣмъ и относительно вѣрныя съ этой точки зрѣнія. Въ результатѣ получается извѣстное распредѣленіе доктринъ по ихъ цѣнности и по степени ихъ истинности. Для того, чтобы установить такое распредѣленіе, нужно найти внут-

1) Фулье здѣсь говоритъ о томъ, что сознаніе человѣкомъ своей свободы, какъ психологическій фактъ, одинаково признается и детерминистами и индетерминистами; только первые считаютъ это сознаніе иллюзіей, а вторые признаютъ его соотвѣтствующимъ дѣйствительности, но для самообладанія и для господства надъ страстями будто-бы безразлично, сознавать-ли только себя свободнымъ или и быть свободнымъ.

реннюю тенденцію системы,—напр., матеріализма,—и самую высшую степень развитія, какой она можетъ достигнуть. Потомъ нужно опредѣлить, не содержится-ли эта высшая возможная степень развитія доктрины въ другой системѣ,—напр. въ идеализмѣ,—и тогда мы будемъ имѣть право сдѣлать выводъ, что вторая система является необходимымъ дополненіемъ первой“ [1]).

Кромѣ такой классификаціи ученій, указываемой намъ ихъ логическимъ развитіемъ, Фулье, для примиренія содержащихся въ нихъ философскихъ истинъ, рекомендуетъ еще разсматривать ихъ съ точки зрѣнія ихъ широты. „Есть, говоритъ онъ, системы болѣе узкія и частичныя, охватывающія и объясняющія незначительное количество явленій, другія же системы имѣютъ болѣе широкую сферу примѣненія и ближе къ системѣ универсальной. А степень широты въ этомъ случаѣ есть степень истинности. Дѣйствительно, идеалъ философіи состоитъ въ созданіи ученія, настолько широкаго, настолько всеобъемлющаго, чтобы оно примиряло въ себѣ всѣ системы. Несомнѣнно, что человѣческій духъ не можетъ вполнѣ достигнуть этого идеала; тѣмъ не менѣе мы сознаемъ его, стремимся къ нему; и если мы не въ состояніи вполнѣ его достигнуть, то, по крайней мѣрѣ, можемъ непрестанно къ нему приближаться. По этому-то идеалу философіи, а не по какой нибудь предвзятой и частичной системѣ, мы должны оцѣнивать отдѣльныя системы философовъ. Чѣмъ болѣе эти системы широки, опредѣленны и положительны, тѣмъ менѣе онѣ, съ точки зрѣнія идеала, удаляются отъ всеобщей и безконечной истины. О каждой системѣ мы должны сказать, что она не заключаетъ въ себѣ всей истины, что въ ней не все добро, и что тѣмъ не менѣе въ ней имѣется извѣстная доля свѣта и тепла, которыхъ жаждетъ нашъ духъ“ [2]). Въ этомъ пунктѣ Фулье сознательно приближается къ тому, что нѣкогда говорилъ Лейбницъ. Надо замѣтить, что Лейбницъ былъ вообще въ высшей степени примирительной натурой. „Я соглашаюсь, говорилъ онъ, почти со всѣмъ, что читаю“. Истина, по его мнѣнію, распространена гораздо больше, чѣмъ обыкновенно

---

[1]) Ibid. X—XI.

[2]) Ibid. XII.

думаютъ. Ему принадлежитъ извѣстное и довольно популярное, но, къ сожалѣнію, не точно соотвѣтствующее дѣйствительности изреченіе, что „системы истинны въ томъ, что онѣ утверждаютъ, и ложны только въ томъ, что отрицаютъ".

Изложенныя воззрѣнія Фулье въ своихъ существенныхъ чертахъ вполнѣ соотвѣтствуютъ тому понятію объ имманентной критикѣ, которое мы раскрывали въ предыдущей главѣ. А изъ приводимыхъ имъ примѣровъ мы можемъ отчасти видѣть, какъ осуществляется на дѣлѣ эта критика. Потому-то мы и остановились на этихъ воззрѣніяхъ съ нѣкоторой подробностью. Недостатки-же этихъ воззрѣній принадлежатъ къ числу въ высшей степени естественныхъ искушеній, угрожающихъ и всякому историку философіи, у котораго сознаніе положительныхъ конечныхъ цѣлей своей науки возьметъ перевѣсъ надъ памятованіемъ ея другихъ—ближайшихъ задачъ. Поэтому мы свое предостереженіе отъ подобныхъ искушеній и рѣшили пріурочить именно къ разбору воззрѣній Фулье.

Фулье, какъ мы видѣли, первой задачей философской критики считаетъ исправленіе ошибокъ изучаемыхъ системъ,— во-первыхъ, въ рамкахъ собственныхъ началъ каждой системы и, во-вторыхъ, ошибокъ въ самыхъ началахъ или принципахъ. По существу дѣла это вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ имманентной критики. Но претензія исправлять ошибки, вмѣсто того, чтобы ихъ только указывать, раскрывать, подмѣниваетъ подлинную задачу историка философіи другою, хотя и близкою къ ней. Дѣло историка показать, какъ въ послѣдовательной смѣнѣ системъ человѣческій умъ постепенно приближается къ овладѣнію абсолютной истиной, а не обработывать каждую систему такъ, чтобы она могла стать элементомъ универсальнаго истиннаго міровоззрѣнія. Это—дѣло исторіи, какъ объективнаго, совершающагося во времени, процесса, а не дѣло исторіи философіи, какъ науки, лишь изображающей этотъ реальный процессъ, но никакъ не предрѣшающей его результатовъ. Необходимо поточнѣе усвоить это различіе. Для большей наглядности возьмемъ приводимый и у Фулье примѣръ Гоббессовой защиты деспотизма и абсолютизма. Дѣло историка только показать, какимъ образомъ у Гоббса деспотизмъ оказался наилучшей гарантіей общественныхъ интересовъ, и отмѣтить, что выводъ

этотъ не связанъ съ основоположеніями системы строго логической связью; но историкъ никакъ не обязанъ вступать въ предлагаемую у Фулье полемику съ Гоббесомъ и говорить англійскому философу: „Вашъ принципъ не ведетъ къ тѣмъ выводамъ, которые дѣлаете Вы, потому Вы обязаны исправить въ этомъ отношеніи свою систему, ибо такое исправленіе дополняетъ и совершенствуетъ ее". Не говоря уже о совершенной безполезности этой полемики по тому одному, что Гоббесъ, какъ человѣкъ давно уже умершій, не можетъ послѣдовать благоразумнымъ совѣтамъ своего французскаго критика конца 19-го в., полемика эта неумѣстна и потому, что вноситъ путаницу въ нашу историческую перспективу. Хорошо еще, что впослѣдствіи Бэнтамъ и Милль сдѣлали ту поправку къ ученію Гоббса, которую предлагаетъ Фулье; въ этомъ случаѣ указанная полемика вскрываетъ намъ всетаки идейно-прагматическую связь между старыми и позднѣйшими утилитаристами. А если-бы въ исторіи не появилось доктринъ Бэнтама и Милля,—на что-бы тогда годились предлагаемыя Фулье поправки къ Гоббесовой системѣ? Между тѣмъ вѣдь онъ считаетъ исправленіе ошибокъ существенной составной частью исторической оцѣнки системъ,—независимо отъ того, появлялись-ли въ исторіи мыслители, которые дѣйствительно вносили такія поправки, или нѣтъ. „Исправленіе" ошибокъ будетъ тогда уже собственнымъ философствованіемъ—только на чужія темы,—на темы, поставленныя творцами различныхъ эпохъ. Но отъ историка философіи совсѣмъ не требуется, чтобы онъ перерѣшалъ по своему проблемы различныхъ системъ: его дѣло—только объяснить и оцѣнить рѣшенія данныхъ мыслителей и показать, какъ и на какихъ основаніяхъ эти рѣшенія пересматривались другими мыслителями. Не сочинять доктрины и отвѣты на философскіе вопросы долженъ историкъ философіи, а только объяснять и оцѣнивать существующія уже доктрины и отвѣты. Это собственное философствованіе на темы изучаемыхъ доктринъ вноситъ, какъ мы сказали, путаницу въ нашу историческую перспективу. Дѣйствительно, генетическій процессъ постепенной и разносторонней выработки философскаго міровоззрѣнія только въ томъ случаѣ будетъ ясенъ, если предоставить изучаемымъ системамъ самимъ говорить за себя, и открываемые въ нихъ пробѣлы не заполнять собственными теоріями,

а показать, какъ эти пробѣлы исподволь заполнялись,—можетъ быть, и не всегда удачно,—другими системами. А какія стороны извѣстнаго вопроса оставались невыясненными,—тѣ только отмѣчать, какъ проблемы будущаго.

Что касается критики самыхъ принциповъ, то Фулье опять совершенно вѣрно утверждаетъ, что очевидная нелѣпость не можетъ быть положена въ основу доктрины; и поэтому при оцѣнкѣ любого принципа,—какъ-бы на первый взглядъ онъ ни казался намъ нелѣпымъ, надо непремѣнно отыскать ту точку зрѣнія, съ которой онъ казался истиннымъ своимъ проповѣдникамъ. Это дѣйствительно требуется началами имманентной критики и только при этомъ условіи мы будемъ въ состояніи понимать изучаемыя доктрины, какъ моменты приближенія къ истинѣ. Но нѣтъ никакой надобности признанное въ данной системѣ истиннымъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія непремѣнно удерживать, какъ элементъ универсальной системы. Если извѣстное начало служитъ моментомъ приближенія къ истинѣ, то это еще не значитъ, что оно должно быть удержано,—хотя-бы и съ поправками и ограниченіями,—и въ окончательномъ итогѣ философскаго развитія: вѣдь оно могло быть только переходнымъ моментомъ, могло имѣть значеніе лишь методологическаго принципа и, сыгравъ свою историческую роль, уже потерять свое положительное значеніе. Дѣло историка—только судить о философскихъ принципахъ, а не выдавать имъ свидѣтельства на безсмертіе, не облекать ихъ въ брачную одежду, въ которой-бы они достойны были войти въ чертоги истины. Вѣрно говоритъ Фулье, что задача философской критики—не разрушеніе, а созиданіе, и что съ пользою опровергать системы можно только посредствомъ признанія заключающихся въ нихъ элементовъ истины; но это дѣло исторіи,—не той исторіи, которую мы составляемъ, не исторіи, какъ науки, а исторіи, какъ объективнаго процесса. Дѣло науки только правдиво и наглядно воспроизвести этотъ процессъ. А если мы будемъ къ оцѣнкѣ системъ примѣшивать свои взгляды и тѣмъ антиципировать (предвосхищать) судъ исторіи, то наша исторія можетъ оказаться тенденціозной и неправдивой.

Подобную-же ошибку допускаетъ Фулье и при постановкѣ второй задачи философской критики,—примиренія истинъ.

Безспорно, что такое примиреніе въ дѣйствительной исторіи происходитъ, и, какъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ [1]), это и есть залогъ истиннаго прогресса философіи. Но задача историка—только показать, какъ въ дѣйствительности происходило такое примиреніе (въ тѣхъ случаяхъ, когда оно состоялось на самомъ дѣлѣ), но не примирять самому. Есть много философскихъ противорѣчій доселѣ еще неразрѣшенныхъ, и историкъ обязанъ указать на эти противорѣчія, не дѣлая собственныхъ попытокъ ихъ разрѣшенія, не забѣгая впередъ исторіи. Ареной подобныхъ противорѣчій, между прочимъ, служитъ и вопросъ о свободѣ воли, на которомъ Фулье даетъ образецъ своего примиренія. И что-же? развѣ можно надѣяться, что подсказанное историкомъ примиреніе будетъ непремѣнно принято спорящими сторонами?—ничуть. Какъ разрѣшится споръ о свободѣ воли, покажетъ будущее. А приводимые у Фулье средніе термины между детерминистическимъ и индетерминистическимъ воззрѣніемъ суть только собственная идея Фулье, писавшаго, какъ извѣстно, спеціальное изслѣдованіе о свободѣ воли. И надо сказать, что это примиреніе далеко не принадлежитъ къ числу удачныхъ. Затѣмъ, не всегда философскія противорѣчія разрѣшаются примиреніемъ спорныхъ тезисовъ. Часто споръ оканчивается торжествомъ какого нибудь принципа; при этомъ побѣжденный принципъ, конечно, не теряетъ своего важнаго историческаго значенія въ качествѣ переходнаго момента къ утвержденію истины. Зачѣмъ-же, примиряя, стремиться непремѣнно удержать то, что, можетъ быть, осуждено не выдержать идейной борьбы за существованіе? Другой примѣръ, на которомъ Фулье разъясняетъ свой методъ примиренія, есть борьба матеріализма и идеализма. Мы не привели подробностей этого примиренія, чтобы не удлинять безъ нужды свое изложеніе. Скажемъ только, что Фулье здѣсь запутывается въ массѣ такихъ спорныхъ и голословныхъ утвержденій, которыхъ не приметъ ни одинъ матеріалистъ и едва-ли какой идеалистъ, и если когда-либо примиреніе состоится, то—во всякомъ случаѣ не по рецепту Фулье.

Наконецъ, стремленіе къ всеобъемлющей широтѣ философ-

---

[1]) *П. В. Тихомировъ*, цит. соч. гл. II—III.

скихъ воззрѣній тоже вѣрно признается у Фулье основой примиренія философскихъ разнорѣчій. Но созидать на этой основѣ должна опять сама исторія, а не историкъ.

Надѣемся, что теперь для всѣхъ ясно, какъ мы понимаемъ начала философской критики въ исторіи философіи, и способы ея примѣненія, а равно и ея законныя границы.

Оттиски изъ №№ „Богословскаго Вѣстника“ за 1907 г.

Печатать разрѣшается. Августа 22 дня, 1907 г.
Ректоръ Академіи Епископъ *Евдокимъ*.